

Рисунки Дениса Гордеева

Льюис Кэрролл

Приключения Алисы в Стране Чудес

«МАЛЫШ»

*У*юльский полдень золотой^{1*}

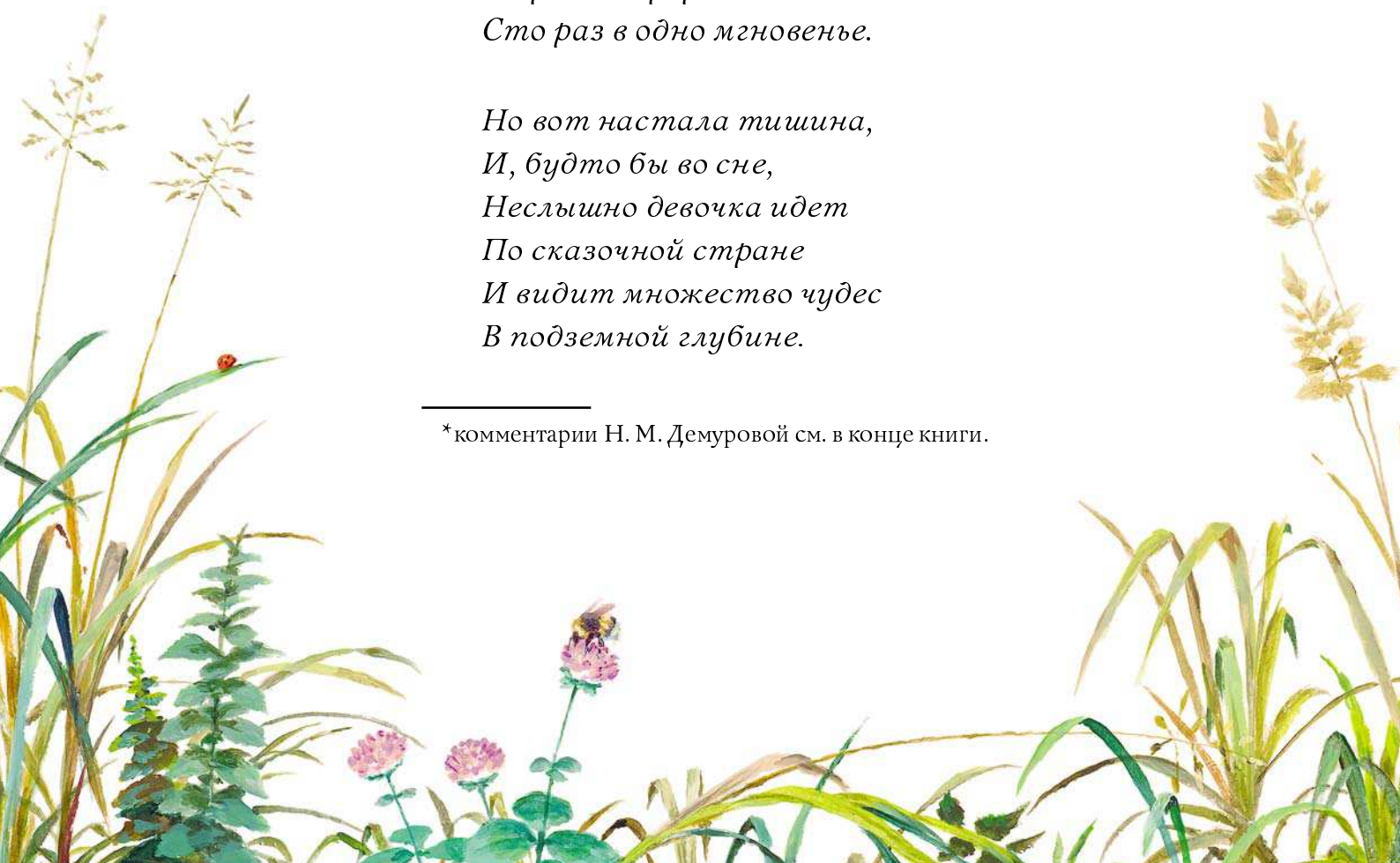
*Сияет так светло,
В неловких маленьких руках
Упрямится весло,
И нас теченьем далеко
От дома унесло.*

*Безжалостные! В жаркий день,
В такой сонливый час,
Когда бы только подремать,
Не размыкая глаз,
Вы требуете, чтобы я
Придумывал рассказ.*

*И Первая велит начать
Его без промедленья,
Вторая просит: «Поглубей
Пусть будут приключенья».
А Третья прерывает нас
Сто раз в одно мгновенье.*

*Но вот настала тишина,
И, будто бы во сне,
Неслышно девочка идет
По сказочной стране
И видит множество чудес
В подземной глубине.*

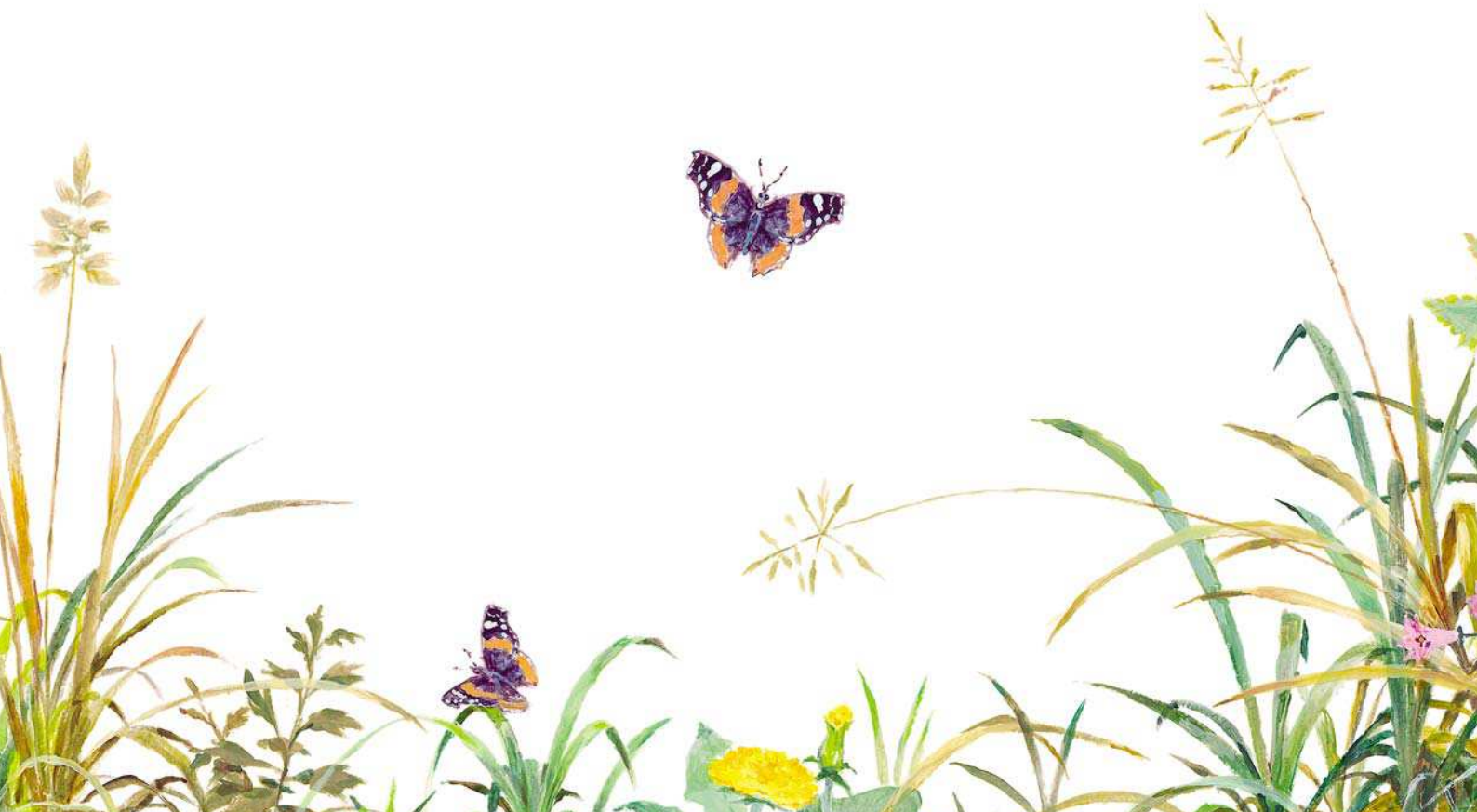
^{*} комментарии Н. М. Демуровой см. в конце книги.

*Но ключ фантазии иссяк —
Не бьет его струя.
— Конеч я после расскажу,
Даю вам слово я!
— Настало после! — мне кричит
Компания моя.*

*И тянется неспешно нить
Моей волшебной сказки,
К закату дело, наконец,
Доходит до развязки.
Идем домой. Вечерний луч
Смягчил дневные краски.*

*Алиса, сказку детских дней
Храни до седины
В том тайнике, где ты хранишь
Младенческие сны,
Как странник бережет цветок
Далекой стороны².*

Глава I

Вниз по кроличьей норе

Алисе наскучило³ сидеть с сестрой без дела на берегу реки; разок-другой она заглянула в книжку, которую читала сестра, но там не было ни картинок, ни разговоров. «Что толку в книжке, — подумала Алиса, — если в ней нет ни картинок, ни разговоров?»

Она сидела и размышляла, не встать ли ей и не нарвать ли цветов для венка; мысли ее текли медленно и несвязно — от жары ее клонило в сон. Конечно, сплести венок было бы очень приятно, но стоит ли ради этого вставать?

Вдруг мимо пробежал белый кролик с красными глазами.

Конечно, ничего удивительного в этом не было. Правда, Кролик на бегу говорил:

— Ах, боже мой, боже мой! Я опаздываю.

Но и это не показалось Алисе особенно странным. (Вспоминая об этом позже, она подумала, что ей следовало бы удивиться, однако в тот миг все казалось ей вполне естественным.) Но когда Кролик вдруг вынул часы из жилетного кармана и, взглянув на них, помчался дальше, Алиса вскочила на ноги — тут ее осенило: ведь никогда раньше она не видела кролика с часами, да еще с жилетным карманом в придачу! Сгорая от любопытства, она побежала за ним по полю и только-только успела заметить, что он юркнул в нору под зеленой изгородью.

В тот же миг Алиса юркнула за ним следом, не думая о том, как она будет выбираться обратно.

Нора сначала шла прямо, ровная, как туннель, а потом вдруг круто обрывалась вниз; не успела Алиса и глазом моргнуть, как начала падать, словно в глубокий колодезь⁴.

То ли колодезь был очень глубок, то ли падала она очень медленно, только времени у нее было достаточно, чтобы оглядеться и поразмыслить, что же будет дальше. Сначала она попыталась разглядеть, что внизу, но там было темно, и она ничего не увидела; тогда она принялась смотреть по сторонам и заметила, что стены колодца были уставлены шкафами и книжными полками; кое-где висели на гвоздиках картины и карты. Пролетая мимо одной из полок, она прихватила с нее банку с вареньем; на банке было написано «АПЕЛЬСИНОВОЕ», но — увы! — она оказалась пустой. Алиса побоялась бросить банку вниз — как бы не убить кого-нибудь! — и умудрилась на лету засунуть ее в какой-то шкаф⁵.

«Вот это упала так упала! — думала Алиса. — Мне теперь и с лестницы упасть пара пустяков! А наши решат, что я ужасно смелая. Да свались я хоть с крыши, я бы и то не пикнула!»

Вполне возможно, что так оно и было бы.

А она все падала и падала. Неужели этому не будет конца?

— Интересно, сколько миль я уже пролетела? — сказала Алиса вслух. — Я, верно, приближаюсь к центру земли. Дайте-ка вспомнить... Это, кажется, около четырех тысяч миль вниз...

Видишь ли, Алиса выучила кое-что в этом роде на уроках в классной, и, хоть сейчас было не совсем время показывать свои знания — никто ведь ее не слушал, — она никак не могла удержаться.

— Да так, верно, оно и есть, — продолжала Алиса. — Но интересно, на какой же я тогда широте и долготе?

Сказать по правде, она и понятия не имела о том, что такое широта и долгота, но ей очень нравились эти слова — они звучали так важно и внушительно!

Помолчав, она начала снова:

— А не пролечу ли я всю землю насквозь? Вот будет смешно! Вылезаю — а люди ходят вниз головой! Как их там зовут?.. Антипатии, кажется...⁶

В глубине души она порадовалась, что в этот миг ее никто не слышит, потому что это слово звучало как-то не так.

— Придется мне у них спросить, как называется их страна. «Простите, сударыня, это Австралия или Новая Зеландия?»

И она попробовала сделать реверанс. Можешь себе представить реверанс в воздухе во время падения? Как, по-твоему, тебе бы удалось его сделать?

— А она, конечно, подумает, что я страшная невежда! Нет, не буду никого спрашивать! Может, увижу где-нибудь надпись!

А она все падала и падала. Делать было нечего, и, помолчав, Алиса снова заговорила:

— Дина будет без меня сегодня весь вечер скучать.

Диной звали их кошку⁷.

— Надеюсь, ей не забудут в полдник налить молочка... Ах, Дина, милая, как жаль, что тебя нет со мной! Правда, мышек в воздухе нет, но зато мошек хоть отбавляй! Интересно, едят ли кошки мошек?⁸

Тут Алиса почувствовала, что глаза у нее слипаются.

Она сонно бормотала:

— Едят ли кошки мошек? Едят ли кошки мошек?

Иногда у нее получалось:

— Едят ли мошки кошек?

Алиса не знала ответа ни на первый, ни на второй вопрос, и потому ей было все равно, как сказать. Она чувствовала, что засыпает; ей уже снилось, что она идет об руку с Диной и озабоченно спрашивает ее: «Признайся, Дина, ты когда-нибудь ела мошек?»

Тут раздался страшный треск — Алиса упала на кучу валежника и сухих листьев.

Она ничуть не ушиблась и тут же вскочила на ноги. Взглянула наверх — там было темно. Перед ней тянулся другой коридор, а в конце его мелькнул Белый Кролик. Нельзя было терять ни минуты — Алиса помчалась за ним следом и как раз успела услышать, что, исчезая за поворотом, Кролик произнес:

— Ах, мои усики! Ах, мои ушки! Как я опаздываю!

Повернув за угол, Алиса ожидала тут же увидеть Кролика, но его нигде не было. А она очутилась в длинном низком зале, освещенном рядом ламп, свисавших с потолка.

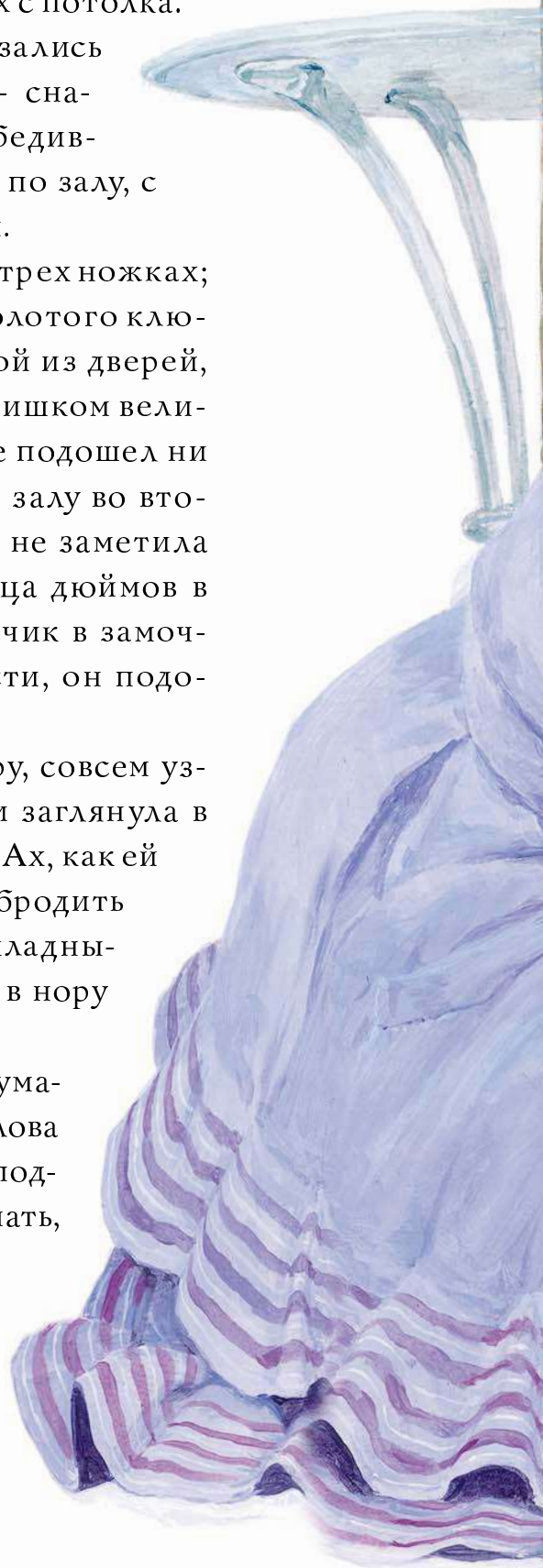
Дверей в зале было множество, но все оказались заперты; Алиса попробовала открыть их — сначала с одной стороны, потом с другой, но, убедившись, что ни одна не поддается, она прошла по залу, с грустью соображая, как ей отсюда выбраться.

Вдруг она увидела стеклянный столик на трех ножках; на нем не было ничего, кроме крошечного золотого ключика, и Алиса решила, что это ключ от одной из дверей, но увы! — то ли замочные скважины были слишком велики, то ли ключик слишком мал, только он не подошел ни к одной, как она ни старалась. Пройдясь по залу во второй раз, Алиса увидела занавеску, которую не заметила раньше, а за ней оказалась маленькая дверца дюймов в пятнадцать вышиной. Алиса вставила ключик в замочную скважину — и, к величайшей ее радости, он подошел!

Она открыла дверцу и увидела за ней нору, совсем узкую, не шире крысиной, встала на колени и заглянула в нее — нора вела в сад удивительной красоты. Ах, как ей захотелось выбраться из темного зала и побродить между яркими цветочными клумбами и прохладными фонтанами⁹! Но она не могла просунуть в нору даже голову.

«Даже если б моя голова и прошла, — подумала бедная Алиса, — что толку! Кому нужна голова без плечей? Ах, почему я не складываюсь, как подозорная труба! Если б я только знала, с чего начать, я бы, наверно, сумела».

Видишь ли, в тот день столько было всяких удивительных происшествий, что ничто не казалось ей теперь невозможным.

Сидеть у маленькой дверцы не было никакого смысла, и Алиса вернулась к стеклянному столику, смутно надеясь найти на нем другой ключ или на худой конец руководство к складыванию наподобие подзорной трубы; однако на этот раз на столе оказался пузырек.

«Я совершенно уверена, что раньше его здесь не было!» — сказала про себя Алиса.

К горлышку пузырька была привязана бумажка, а на бумажке крупными буквами было красиво написано: «ВЫПЕЙ МЕНЯ!»

Это, конечно, было очень хорошо, но умненькая Алиса совсем не торопилась следовать совету.

— Прежде всего надо убедиться, что на этом пузырьке нигде нет пометки «Яд!», — сказала она.

Видишь ли, она начиталась всяких милых историй о том, как дети стогрели живьем или попадали на съедение диким зверям, — и все эти неприятности происходили с ними потому, что они не желали соблюдать простейших правил, которым обучали их друзья: если слишком долго держать в руках раскаленную докрасна кочергу, в конце концов обожжешься; если поглубже полоснуть по пальцу ножом, из пальца обычно идет кровь; а если разом осушить пузырек с пометкой «Яд!», рано или поздно почти наверняка почувствуешь недомогание. Последнее правило Алиса помнила твердо.

Однако на этом пузырьке никаких пометок не было, и Алиса рискнула отпить из него немного. Напиток был очень приятен на вкус — он чем-то напоминал вишневый пирог с кремом, ананас, жареную индейку, сливочную помадку и горячие гренки с маслом¹⁰, — и Алиса выпила его до конца.

* * *

— Какое странное ощущение! — воскликнула Алиса. — Я, верно, складываюсь, как подзорная труба.

И не ошиблась — в ней сейчас было всего десять дюймов роста. Она подумала, что теперь легко пройдет сквозь дверцу в чудесный сад, и очень обрадовалась. Но сначала на всякий случай она немножко подождала, чтобы убедиться, что больше не уменьшается, ибо это ее слегка тревожило.

«Если я и дальше буду так уменьшаться, — сказала она про себя, — я могу и вовсе исчезнуть. Сгорю, как свечка! Интересно, какая я тогда буду?»

И она постаралась представить себе, как выглядит пламя свечи после того, как свеча потухнет; насколько ей помнилось, такого она никогда не видала.

Подождав немного и убедившись, что больше ничего не происходит, Алиса решила тотчас же выйти в сад. Бедняжка! Подойдя к дверце, она обнаружила, что забыла золотой ключик на столе, а вернувшись к столу, поняла, что ей теперь до него не дотянуться; сквозь стекло она ясно видела снизу лежащий на столе ключик и попыталась взобраться на стол по стеклянной ножке, но ножка была очень скользкая, и все ее усилия были напрасны. Выбившись из сил, бедная Алиса села на пол и заплакала.

— Ну, хватит! — строго приказала она себе немного спустя. — Слезами горю не поможешь. Советую тебе сию же минуту перестать!

Она всегда давала себе хорошие советы (хоть следовала им не часто), а порой нещадно ругала себя, так что глаза ее наполнялись слезами. Однажды она даже попыталась отшлепать себя по щекам за то, что схитрила, играя в одиночку партию в крокет. Эта глупышка очень любила притворяться двумя разными девочками сразу¹¹.

«Но сейчас это уже при всем желании невозможно! — подумала бедная Алиса. — Меня и на одну-то едва хватает!»

Вскоре она увидела под столом маленькую стеклянную коробочку. Алиса открыла ее — внутри был пирожок, на котором коринками было красиво написано: «СЪЕШЬ МЕНЯ!»

— Что ж, — сказала Алиса, — я так и сделаю. Если при этом я вырасту, я достану ключик, а если уменьшусь — пролезу под дверь. Мне бы только попасть в сад, а как — все равно!

Она откусила от пирожка и с тревогой промолвила:

— Расту или уменьшаюсь? Расту или уменьшаюсь?

Руку Алиса при этом положила на макушку, чтобы чувствовать, что с ней происходит, но, к величайшему ее удивлению, она не стала ни выше, ни ниже. Конечно, так всегда и бывает, когда ешь пирожки, но Алиса успела привыкнуть к тому, что вокруг происходит одно только удивительное; ей показалось скучно и глупо, что жизнь опять пошла по-обычному.

Она откусила еще кусочек и вскоре съела весь пирожок.

Глава II

Море слез

— Все страньше и страньше! — вскричала Алиса. От изумления она совсем забыла, как нужно правильно говорить. — А теперь я раздвигаюсь, как длиннейшая подзорная труба. Прощайте, ноги! (В эту минуту она как раз взглянула на ноги и увидела, как стремительно они уносятся вниз. Еще мгновение — они и вовсе скроются из виду.)

— Бедные мои ножки! Кто же вас теперь будет обувать? Кто натянет на вас чулки? Мне же до вас теперь, мои милые, не достать. Мы будем так далеко друг от друга, что мне будет совсем не до вас... Придется вам обходиться без меня.

Тут она призадумалась.

«Все-таки надо быть с ними поласковее, — сказала она про себя. — А то еще возьмут и пойдут не в ту сторону. Ну, ладно! На Рождество буду посылать им в подарок новые ботинки».

И она принялась строить планы.

«Придется отправлять их с посыльным, — думала она. — Вот будет смешно! Подарки собственным ногам! И адрес какой странный!

Каминный Коврик
(что возле Каминной Решетки)

Госпоже
Правой Ноге¹² —
С приветом от Алисы.

Ну что за вздор я несу!»

В эту минуту она ударилась головой о потолок — ведь она вытянулась футов до девяти, не меньше, — схватила со стола золотой ключик и побежала к двери в сад.

Бедная Алиса! Разве могла она теперь пройти в дверцу? Ей удалось лишь заглянуть в сад одним глазком — и то пришлось лечь для этого на пол. Надежды на то, чтобы пройти в нору, не было никакой. Она уселась на пол и снова расплакалась.

— Стыдись, — сказала себе Алиса немного спустя. — Такая большая девочка (тут она, конечно, была права) — и плачешь! Сейчас же перестань, слышишь?

Но слезы лились ручьями, и вскоре вокруг нее образовалась большая лужа дюйма в четыре глубиной. Вода разлилась по полу и уже дошла до середины зала. Немного спустя вдалеке послышался топот маленьких ног. Алиса торопливо вытерла глаза и стала ждать. Это возвращался Белый Кролик. Одет он был парадно, в одной руке держал пару лайковых перчаток, а в другой — большой веер и на бегу тихо бормотал:

— Ах, боже мой, что скажет Герцогиня! Если я опоздаю, она будет в ярости! Просто в ярости!

Алиса была в таком отчаянии, что готова была обратиться за помощью к кому угодно. Когда Кролик поравнялся с нею, она робко проговорила:

— Простите, сэр...

Кролик подпрыгнул, уронил перчатки и веер, метнулся прочь и тут же исчез в темноте¹³.

Алиса подняла веер и перчатки; в зале было жарко, и она стала обмахиваться веером.

— Нет, вы только подумайте! — говорила она. — Какой сегодня день странный! А вчера все шло как обычно! Может быть, это я изменилась за ночь? Дайте-ка вспомнить: сегодня утром, когда я встала, я это была или не я? Кажется, уже не совсем я! Но если это так, то кто же я в таком случае? Вот загадка!

И она принялась перебирать в уме подружек, которые были с ней одного возраста, — уж не превратилась ли она в одну из них?

— Во всяком случае, я не Ада! — сказала она решительно. — У нее волосы завиваются в локоны, а у меня нет! И уж конечно, я не Мейбл. Я столько всего знаю, а она совсем ничего! И вообще, она это она, а я это я! Как все непонятно! А ну-ка проверю, помню я то, что знала, или нет. Значит, так: четырежды пять — двенадцать, четырежды шесть — тринадцать, четырежды семь... Нет, так я до двадцати никогда не дойду!¹⁴ Ну, ладно, таблица умножения — это неважно! Попробую географию! Лондон — столица Парижа, а Париж — столица Рима, а Рим... нет, все не так, все неправильно! Верно, я превратилась в Мейбл... Попробую прочитатъ «Как дорожит...».

Она сложила руки на коленях, словно отвечала урок, и начала. Но голос ее зазвучал как-то странно, будто кто-то другой хрипло произносил за нее совсем другие слова:

*Как дорожит своим хвостом
Малютка крокодил! —
Урчит и вьется над песком,
Прилежно пенит Нил!
Как он умело шевелит
Опрятным коготком! —
Как рыбок он благодарит,
Глотая целиком!¹⁵*

— Слова совсем не те! — молвила бедная Алиса, и глаза у нее снова наполнились слезами. — Значит, я все-таки Мейбл! Придется мне теперь жить в их тесном домишке. И игрушек у меня совсем не будет! Зато уроки придется учить без конца. Ну что ж, решено: если я Мейбл, останусь здесь навсегда. Пусть тогда приходят, свешивают головы вниз, зо-

вут: «Подымайся, милочка, к нам!» Я на них только посмотрю и отвечу: «Скажите мне сначала, кто я! Если мне это понравится, я поднимусь, а если нет — останусь здесь, пока не превращусь в кого-нибудь другого!»

Тут слезы брызнули у нее из глаз.

— Почему за мной никто не приходит? Как мне надоело сидеть здесь одной!

С этими словами Алиса глянула вниз и, к своему удивлению, заметила, что, пока говорила, натянула на одну руку крошечную перчатку Кролика.

«Как это мне удалось? — подумала она. — Видно, я опять уменьшаюсь!»

Алиса встала и подошла к столику, чтобы выяснить, какого она теперь роста. Судя по всему, в ней было не больше двух футов, и она продолжала стремительно уменьшаться; вскоре она поняла, что виной тому веер, который она держит в руках, и тут же швырнула его на пол. И хорошо сделала — а то могла бы и вовсе исчезнуть!

— Уф! Едва спаслась! — воскликнула Алиса, испуганная столь внезапной переменой, но радуясь, что уцелела. — А теперь — в сад!

И она подбежала к дверце. Но увы! Дверца опять была заперта, а золотой ключик так и лежал на стеклянном столе.

«Час от часу не легче! — подумала бедная Алиса. — Такой крошкой я еще не была ни разу! Плохо мое дело! Хуже некуда...»

Тут она поскользнулась и — бух! — шлепнулась в воду. Вода была соленая на вкус и доходила ей до подбородка. Сначала она подумала, что каким-то образом упала в море.

«В таком случае, — решила она, — можно отсюда уехать по железной дороге».

Алиса всего раз в жизни была на взморье, и потому ей казалось, что все там одинаково: в море — кабинки для купания¹⁶, на берегу — малыши с деревянными лопатками строят замки из песка; потом — пансион, а за ним железнодорожная станция. Вскоре, однако, она поняла, что упала в лужу слез, которую сама же и наплакала, когда была ростом в девять футов.

«Ах, зачем я так ревела! — сокрушалась Алиса, плавая кругами и пытаясь понять, в какой стороне берег. — Вот глупо будет, если я утону в собственных слезах! И поделом мне! Конечно, это было бы очень странно! Впрочем, сегодня все странно».

Тут она услышала какой-то плеск неподалеку и поплыла туда, чтобы узнать, кто это там плещется. Сначала она решила, что это морж или гиппопотам, но потом вспомнила, какая она теперь крошка, и, взглядев-шись, увидела всего лишь мышь, которая, видно, также упала в воду.

«Заговорить с ней или нет? — подумала Алиса. — Сегодня все так удивительно, что, возможно, она умеет говорить! Во всяком случае, попытаться стоит!»

И она начала:

— О Мышь! Не знаете ли вы, как выбраться из этой лужи? Мне так надоело здесь плавать, о Мышь!

Алиса считала, что именно так и следует обращаться к мышам. Раньше ей не приходилось этого делать, но она вспомнила учебник латинской грамматики, принадлежащий ее брату.

*«Именительный — мышъ,
Родительный — мыши,
Дательный — мыши,
Винительный — мышъ,
Звательный — О мышъ!»*

Мышь взглянула на нее с недоумением и легонько ей подмигнула (так, во всяком случае, показалось Алисе), но не сказала в ответ ни слова.

«Может, она по-английски не понимает? — подумала Алиса. — Вдруг она француженка родом? Приплыла сюда вместе с Вильгельмом Завоевателем...»

Алиса, конечно, знала историю, но не очень ясно представляла себе, что когда происходило. И она опять начала:

— Où est ma chatte?

В учебнике французского языка эта фраза стояла первой.

Мышь рванулась из воды и вся затрепетала от ужаса.

— Простите! — быстро сказала Алиса, видя, что обидела бедного зверька. — Я забыла, что вы не любите кошек.

— Не люблю кошек? — взвизгнула пронзительно Мышь. — А ты бы их на моем месте любила?

— Наверно, нет, — попробовала успокоить ее Алиса. — Прошу вас, не сердитесь! Жаль, что я не могу показать вам нашу Дину. Если б вы только ее увидели, вы бы, по-моему, кошек полюбили. Она такая милая, такая спокойная, — задумчиво продолжала Алиса, лениво плавая в соленой воде. — Сидит себе у камина, мурлычет и умывается. И такая мягкая, так и хочется погладить! А как ловит мышей!.. Ах, простите, пожалуйста!

Шерстка у Мыши стала дыбом. Алиса поняла, что оскорбила ее до глубины души.

— Если вам не хочется, мы не будем больше о ней говорить, — предложила Алиса.

— Мы?! — возмутилась Мышь, трепеща от головы до самого кончика хвоста. — Можно подумать, что это я завела этот разговор! У нас в семье всегда ненавидели кошек. Низкие, гадкие, вульгарные твари! Слышать о них не желаю!

— Хорошо, хорошо! — согласилась Алиса, торопясь перевести разговор. — А... собаки... вам нравятся?

Мышь промолчала.

— Рядом с нами живет такой милый песик, — радостно продолжала Алиса. — Мне бы очень хотелось вас с ним познакомить! Маленький терьер! Глазки у него блестящие, а шерстка коричневая, длинная и волнистая! Бросишь ему что-нибудь, он тотчас несет назад, а потом сядет на задние лапки и просит, чтобы ему дали косточку. Чего только он не делает — всего не упомнишь! Хозяин у него фермер, он говорит: этому песику цены нет. Он всех крыс перебил в округе и всех мыш... Ах, боже мой! — грустно промолвила Алиса. — По-моему, я ее опять обидела!

Мышь изо всех сил плыла от нее прочь, по воде даже волны пошли.

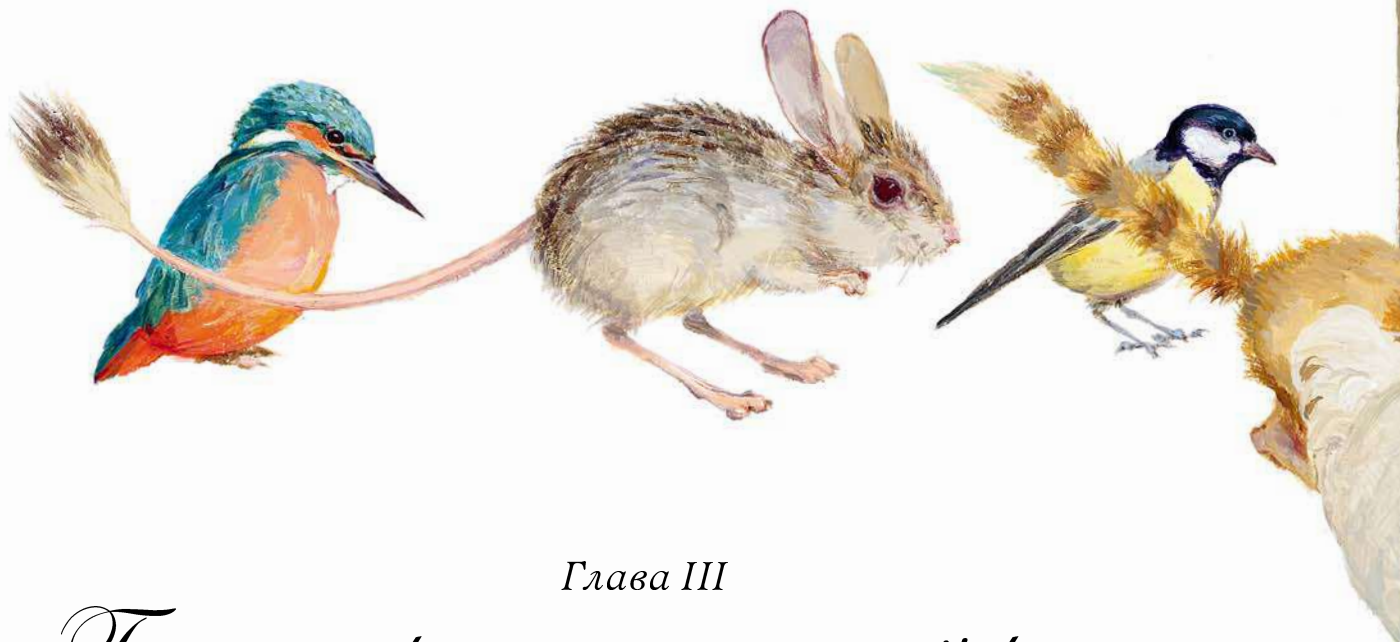
— Мышка, милая! — ласково позвала ее Алиса. — Прошу вас, вернитесь. Если кошки и собаки вам не по душе, я о них больше ни слова не скажу!

Услышав это, Мышь повернула и медленно поплыла назад. Она страшно побледнела. («От гнева!» — подумала Алиса.)

— Вылезем на берег, — сказала Мышь тихим, дрожащим голосом, — и я расскажу тебе мою историю. Тогда ты поймешь, за что я ненавижу кошек и собак.

И в самом деле, надо было вылезать. В луже становилось все теснее от всяких птиц и зверей, упавших в нее. Там были Робин Гусь, Птица Додо, Попугайчик Лори, Орленок Эд и всякие другие удивительные существа¹⁷. Алиса поплыла вперед, и все потянулись за ней к берегу.

Глава III

Бег по кругу и длинный рассказ

Общество, собравшееся на берегу, имело весьма неприглядный вид: перья у птиц взъерошены, шерстка у зверьков промокла насквозь. Вода текла с них ручьями, всем было холодно и неудобно.

Прежде всего, конечно, нужно было придумать, как поскорее высохнуть. Стали держать совет. Не прошло и нескольких минут, как Алиса уже разговаривала с ними так, словно знала их всех целый век. Она даже поспорила с Попугайчиком Лори, который надулся и только твердил:

— Я старше, чем ты, и лучше знаю, что к чему!

Алиса потребовала, чтобы он сказал, сколько ему лет, но Попугайчик решительно отказался; на том спор и кончился.

Наконец Мышь, к которой все относились с почтением, закричала:

— Садитесь, все садитесь и слушайте. Вы у меня вмиг высохнете!

Все послушно уселись в круг, а Мышь стала посредине. Алиса не отрывала от нее глаз — она знала, что, если быстро не высохнет, ей грозит сильная простуда.

— Гхе-гхе! — с важным видом откашлялась Мышь. — Все готовы? Тогда начнем. Это вас мигом высушит! Тишина! «Вильгельм Завоеватель с благословения Папы Римского быстро добился полного подчинения англосаксов, которые нуждались в твердой власти и видели на своем веку немало несправедливых захватов трона и земель. Эдвин, граф Мерсии, и Моркар, граф Нортумбрии...»¹⁸

— Д-да! — сказал Попугайчик и содрогнулся.

— Простите, — нахмурясь, но чрезвычайно учтиво спросила Мышь, — вы, кажется, что-то сказали?

— Нет-нет, — поспешно ответил Попугайчик.

— Значит, мне показалось, — заметила Мышь. — Итак, я продолжаю. «Эдвин, граф Мерсии, и Моркар, граф Нортумбрии, поддержали Вильгельма Завоевателя, и даже Стиганд, архиепископ Кентерберийский, нашел это благоразумным...»

— Что он нашел? — спросил Робин Гусь.

— «...нашел это», — отвечала Мышь. — Ты разве не знаешь, что такое «это»?

— Еще бы не знать! — воскликнул Робин Гусь. — Когда я что-нибудь нахожу, это обычно бывает лягушка или червяк. Вопрос в том, что же нашел архиепископ?

Мышь не удостоила его ответом и торопливо продолжала:

— «...нашел это благоразумным и решил вместе с Эдгаром Этелингом отправиться к Вильгельму и предложить ему корону. Поначалу Вильгельм вел себя очень сдержанно, но наглость его воинов норманцев...» Ну как, милочка, подсыхаешь? — спросила она Алису.

— С меня так и льет, — ответила Алиса печально. — Я и не думаю сохнуть!

— В таком случае, — провозгласил Додо, — я предлагаю принять резолюцию о немедленном роспуске собрания с целью принятия самых экстренных мер для скорейшего...

— Говорите по-людски, — сказал Орленок Эд. — Я и половины этих слов не знаю! Да вы и сами, по-моему, их не понимаете.

И Орленок отвернулся, чтобы скрыть улыбку. Птицы тихо захихикали.

— Я хотел сказать, — обиженно проговорил Додо, — что нужно устроить бег по кругу¹⁹. Тогда мы вмиг высохнем!

— А что это такое? — спросила Алиса.

Сказать по правде, ее это не очень интересовало, но Додо многозначительно

молчал — видно, ждал вопроса. И так как все тоже молчали, пришлось спрашивать Алисе.

— Чем объяснять, — провозгласил Додо, — лучше показать!

(Может, и ты захочешь как-нибудь зимой сыграть в эту игру? В таком случае я расскажу тебе, что делал Додо.)

Сначала он нарисовал на земле круг. Правда, круг вышел не очень-то ровный, но Додо сказал:

— Правильность формы несущественна!

А потом расставил всех без всякого порядка по кругу. Никто не подавал команды — все бежали, когда хотели, и останавливались как хотели, так что было непросто понять, когда должно кончиться это состязание. Через полчаса, когда все набегались и просохли, Додо вдруг закричал:

— Бег закончен!

Все столпились вокруг него и, тяжело дыша, стали спрашивать:

— Кто же победил?

На этот вопрос Додо не мог ответить, не подумав как следует. Он застыл на месте, приложив ко лбу палец (в такой позе обычно изображают Шекспира, помнишь?), и погрузился в размышления, а все стояли вокруг и молча ждали. Наконец Додо произнес:

— Победили все! И каждый получит награды!

— А кто же их будет раздавать? — закричали все хором.

— Она, конечно, — ответил Додо, ткнув пальцем в Алису.

Все окружили Алису и стали требовать наперебой:

— Награды! Награды! Раздавай награды!

Алиса растерялась. В замешательстве она сунула руку в карман — и вытащила оттуда пакетик цукатов (к счастью, слезы их не размочили). Она раздала их собравшимся — каждому по цукату, как раз хватило.

— Но ей ведь тоже надо награду, — сказала Мышь.

— Конечно, — подхватил важно Додо.

И, повернувшись к Алисе, спросил:

— У тебя осталось что-нибудь в кармане?

— Нет, — отвечала Алиса грустно. — Только наперсток.

— Давай его сюда! — велел Додо.

Тут все снова столпились вокруг Алисы, а Додо торжественно подал ей наперсток и произнес:

— Мы просим тебя принять в награду этот изящный наперсток!

Эта краткая речь была встречена криками одобрения.

Алисе вся эта церемония показалась очень смешной, но вид у всех был такой серьезный, что она не посмела засмеяться. Она не нашлась, что ответить на речь Додо, и только чинно поклонилась и взяла наперсток.

Все принялись за угощенье; поднялся страшный шум и переполох — большие птицы мигом проглотили свои цукаты и стали жаловаться, что и распробовать их не успели; а у птичек поменьше цукаты застревали в горле — приходилось хлопать их по спине. Наконец все поели, снова уселись в круг и попросили Мышь рассказать им еще что-нибудь.

— Вы обещали рассказать мне свою историю, — сказала Алиса. — И почему вы ненавидите... К и С²⁰.

Последнюю фразу она произнесла шепотом, боясь, как бы опять не обидеть Мышь.

— Это очень длинная и грустная история, — начала Мышь со вздохом.

Помолчав, она вдруг взвизгнула:

— Прохвост!

— Про хвост? — повторила Алиса с недоумением и взглянула на ее хвост. — Грустная история про хвост?

И, пока Мышь говорила, Алиса все никак не могла понять, какое это имеет отношение к мышиному хвосту. Поэтому история, которую рассказала Мышь, выглядела в ее воображении вот так:

Цап-царап сказал мышке²¹:

«Вот какие делишки,
мы пойдем с то-
бой в суд, я те-
бя засужу. И не
смей отпираться,
мы должны
расквитаться,
потому что
все утро я
без дела си-
жу». И на
это нахалу
мышка так
отвечала:

«Без суда
и без след-
ствия,
сударь, дел
не ведут». —
«Я и суд,
я и след-
ствие, —

Цап-царап
ей ответ-
ствует. —
Присужу
тебя к
смер-
ти я.

Тут
тебе
и ка-
пу-
т».

— Ты не слушаешь! — строго сказала Алисе Мышь. — О чем ты думаешь?

— Извините, — ответила скромно Алиса. — Вы дошли уже до пятого завитка, не так ли?

— Глупости! — рассердилась Мышь. — Вечно всякие глупости! Как я от них устала. Этого просто не вынести!

— А что нужно вынести? — спросила Алиса. (Она всегда готова была услужить.) — Разрешите, я помогу.

— И не подумаю! — обиделась Мышь, встала и пошла прочь. — Болтаешь какой-то вздор — верно, хочешь меня оскорбить!

— Что вы! — возразила Алиса. — У меня этого и в мыслях не было. Просто вы все время обижаетесь.

Мышь в ответ только заворчала.

— Прошу вас, не уходите! — крикнула ей вслед Алиса. — Доскажите нам вашу историю!

И все хором поддержали ее:

— Да-да, не уходите!

Но Мышь только мотнула нетерпеливо головой и побежала быстрее.

— Как жаль, что она не пожелала остаться, — вздохнул Попугайчик Лори, как только она скрылась из виду.

А старая Медуза сказала своей дочери:

— Ах, дорогая, пусть это послужит тебе уроком! Нужно всегда держать себя в руках!²²

— Попридержите-ка лучше язык, маменька, — отвечала юная особа с легким раздражением. — Не вам об этом говорить. Вы даже устрицу выведете из терпения!²³

— Вот бы сюда нашу Дину! — воскликнула Алиса, не обращаясь ни к кому в отдельности. — Она бы вмиг притащила ее обратно!

— Позвольте вас спросить: кто эта Дина? — поинтересовался Лори. Алиса всегда была рада поговорить о своей любимице.

— Это наша кошка, — отвечала она с готовностью. — Вы даже представить себе не можете, как она ловит мышей! А птиц как хватает! Раз — и проглотила, даже косточек не оставила!

Речь эта произвела на собравшихся удивительное впечатление. Птицы заторопились по домам. Старая Сорока начала кутаться в шаль²⁴.

— Пойду-ка я домой! — объявила она. — Ночной воздух вреден моему горлу.

А Канарейка дрожащим голоском стала кликать своих детишек:

— Идемте-ка домой, мои дорогие! Вам давно пора в постель!

Вскоре под разными предлогами все разошлись по домам, и Алиса осталась одна.

«И зачем это я заговорила о Дине? — грустно подумала Алиса. — Никому она здесь не нравится. А ведь лучше кошки не сыщешь! Ах, Дина, милочка! Увижу ли я тебя опять?» Тут бедная Алиса снова заплакала — ей было так грустно и одиноко.

Немного погодя Алиса снова услышала легкий топоток. Она оглянулась: может, это Мышь перестала сердиться и вернулась, чтобы закончить свой рассказ?

Глава IV

Билль вылетает в трубу

Но это был Белый Кролик — он медленно трусил назад, с волнением глядя по сторонам, словно что-то искал. Алиса услышала, как он бормочет про себя:

— Ах, Герцогиня! Герцогиня! Где же я их потерял? Бедные мои лапки! Бедные мои усики! Она же велит меня казнить! Как пить дать, велит! Это так же точно, как то, что хорьки — это хорьки.

Алиса тут же догадалась, что он ищет веер и белые перчатки, и принялась их искать, желая по доброте сердечной ему помочь; но веера и перчаток нигде не было, а все вокруг изменилось — большой зал со стеклянным столиком и дверцей куда-то исчез, словно его и не бывало.

Вскоре Кролик заметил Алису.

— Эй, Мэри-Энн, — сердито крикнул он, — а ты что здесь делаешь? Беги-ка скорей домой и принеси мне пару перчаток и веер! Да поторопись!

Алиса так испугалась, что со всех ног бросилась исполнять поручение. Она даже не попыталась объяснить Кролику, что он ошибся.

«Он, верно, принял меня за горничную, — думала она на бегу. — Вот удивится, когда узнает, кто я такая! Все равно, отнесу ему перчатки и веер, если только найду, конечно». В эту минуту она увидела чистенький домик; на двери была прибитая медная дощечка, начищенная до блеска, а на дощечке было написано: «Б. КРОЛИК».

Алиса не стала стучать — вошла и побежала по лестнице вверх. Она очень боялась встретить настоящую Мэри-Энн — конечно, та выгнала бы ее из дому, и она не смогла бы тогда отнести Кролику веер и перчатки.

«Как странно, что я у Кролика на побегушках, — размышляла Алиса. — Не хватает еще, чтобы Дина давала мне поручения!»

И она принялась выдумывать, как бы это могло быть²⁵: «„Мисс Алиса! Идите скорее сюда! Пора на прогулку, а вы еще не одеты!“ — „Сейчас, няня! Я должна последить за мышиной норкой, пока Дина не вернется. Она велела мне смотреть, чтобы мышка не убежала!“ Впрочем, Дину, верно, выгонят, если она станет так распоряжаться!»

Размышляя таким образом, она пробралась в опрятную маленькую комнатку, где у окна стоял стол, а на нем, как она и надеялась, лежал веер и несколько пар крошечных перчаток. Алиса взяла веер и пару перчаток и совсем уже собралась выйти из комнатки, как вдруг увидела у зеркала маленький пузырек. На нем не было написано: «ВЫПЕЙ МЕНЯ!», но Алиса открыла его и поднесла к губам.

«Стоит мне что-нибудь проглотить, — подумала она, — как тут же происходит что-нибудь интересное. Посмотрим, что будет на этот раз! Мне бы очень хотелось опять подрасти. Надоело быть такой крошкой!»

Так оно и случилось — и гораздо быстрее, чем предполагала Алиса: не успела она отпить и половины, как уперлась головой в потолок; пришлось ей пригнуться, чтоб не сломать себе шеи. Она быстро поставила пузырек на стол.

— Ну, хватит, — сказала она. — Надеюсь, на этом я останавлиюсь. Я и так уже в дверь не пролезу. Зачем только я так много выпила!

Увы! было уже поздно: она все росла и росла. Пришлось ей встать на колени — а через минуту и этого оказалось мало. Она легла, упершись локтем в дверь, а другой рукой обхватив голову. Через минуту ей снова стало тесно — она продолжала расти. Пришлось ей выставить одну руку в окно, а одну ногу засунуть в дымоход. Дальше расти было некуда.

«Больше я ничего сделать не могу, что бы там ни случилось, — сказала она про себя. — Что-то со мной будет?»

Но, к счастью, действие волшебного напитка на этом кончилось и больше она не росла. Правда, легче от этого ей не стало, и, так как особых надежд на спасение не было, немудрено, что она загрустила.

«Как хорошо было дома! — думала бедная Алиса. — Там я всегда была одного роста и всякие мыши и кролики мне были не указ. Зачем только я полезла в эту кроличью норку! И все же... все же... Такая жизнь мне по душе — все тут так необычно! Интересно, что же со мной произошло? Когда я раньше читала сказки, я твердо знала, что такого на свете не бывает, а теперь я сама в них угодила! Обо мне надо написать книжку, честное слово, надо! Вот вырасту и напишу...»²⁶

Тут Алиса замолчала и грустно пробормотала:

— Да, но ведь я уже выросла... По крайней мере здесь мне расти больше некуда.

«А вдруг я на этом и останавлиюсь? — продолжала размышлять Алиса. — Пожалуй, это неплохо — я тогда не состарюсь! Правда, мне придется всю жизнь учить уроки. Нет, так я не хочу!»

— Ах, какая ты глупая, Алиса! — возразила она себе. — Как здесь учить уроки? Тебе самой-то места едва хватает... Куда же ты денешь учебники?

Так она размышляла и спорила сама с собой, беря то одну сторону, то другую. Беседа получалась очень интересная, но тут под окнами слышался чей-то голос — она замолчала и прислушалась.

— Мэри-Энн! Мэри-Энн! — кричал голос. — Неси-ка сюда перчатки! Да поторапливайся!

Вслед за тем на лестнице слышались шаги — Алиса поняла, что это Кролик ее ищет, и, забыв о том, что она теперь в тысячу раз его больше и бояться ей его нечего, так задрожала, что весь дом зашатался.

Кролик подошел к двери и толкнул в нее лапой, но дверь открывалась в комнату, а так как Алиса уперлась в нее локтем, она не поддавалась. Алиса услышала, как Кролик сказал:

— Что ж, обойду дом кругом и залезу в окно...

«Ну нет!» — подумала Алиса.

Подождав, пока, как ей показалось, Кролик подошел к окну, она наугад высунула руку и попробовала его схватить. Слышался крик, кто-то упал, зазвенело разбитое стекло — видно, он свалился в теплицы, в которых выращивали огурцы.

Потом раздался сердитый крик.

— Пат! Пат! — звал Кролик. — Да где же ты?

И какой-то голос, которого Алиса раньше не слыхала, отвечал:

— Я тут! Яблочки копаю, ваша честь!²⁷

— Яблочки копаю! — рассердился Кролик. — Нашел время! Лучше помоги мне выбраться отсюда!

Снова зазвенело разбитое стекло.

— Скажи-ка, Пат, что это там в окне?

— Рука, конечно, ваша честь!

(Последние два слова он произносил как одно — получалось что-то вроде «вашсть!».)

— Дубина, какая ж это рука?²⁸ Ты когда-нибудь видел такую руку? Она же в окно едва влезла!

— Оно, конечно, так, вашсть! Только это рука!

— Ей там, во всяком случае, не место! Иди и убери ее, Пат!

Наступило долгое молчание, лишь время от времени слышался шепот:

— Вашсть, не лежит у меня сердце... Не надо, вашсть!

— Трус ты эдакий! Делай что тебе говорят!

Тут Алиса снова цапнула наугад рукой. На этот раз послышалось два вопля, и опять посыпались стекла.

«Какие большие там теплицы! — подумала Алиса. — Интересно, что они теперь будут делать? „Убери ее, Пат!“ Я бы и сама была рада отсюда убраться. Вот бы они мне помогли!»

Она еще немножко подождала, но все было тихо. Немного спустя послышался скрип тележек и гул голосов. Их было много, и все говорили наперебой.

— А где вторая лестница?

— Мне сказали привезти только одну. Вторая у Билля!

— Эй, Билль! Тащи-ка ее сюда!

— Ставьте их с этого угла!

— Надо сначала их связать! Они и до середины не достают!

— Достанут, не бойся!

— Эй, Билль! Лови веревку!

— А крыша выдержит?

— Осторожно! Эта черепица шатается...

— Сорвалась! Падает!

— Головы береги!

Послышался громкий треск.

— Ну вот, это кто же наделал?

— Сдается мне, что Билль!

— Кто полезет в трубу?

— Я не полезу! Сам полезай!

— Ну уж нет! Ни за какие коврижки!

— Пусть лезет Билль!

— Эй, Билль! Слышишь? Хозяин велит тебе лезть!

«Ах, вот как! — подумала Алиса. — Значит, лезть приходится Биллю? Все на него сваливают! Я бы ни за что не согласилась быть на его месте. Камин здесь, конечно, узковат, особенно не размахнешься, а все же лягнуть его я сумею!»

Алиса просунула ногу подальше в камин и стала ждать. Наконец она услышала, что в дымоходе над ней кто-то шуршит и скребется (что это был за зверек, она не могла догадаться).

«А вот и Билль! — сказала она про себя и изо всех сил поддала ногой. — Интересно, что теперь будет!»

Сначала она услышала, как все закричали:

— Билль! Билль! Вон летит Билль!

Потом голос Кролика:

— Эй, там, у кустов! Ловите его!

Потом молчание и снова взволнованные голоса:

— Голову, голову держите!

— Дайте ему коньяку!

— Не в то горло...

— Ну как, старина?

— Что это было, старина?

— Расскажи, что случилось, старина!

Наконец раздался тоненький, слабый писк. («Это и есть Билль», — подумала Алиса.)

— Сам не знаю... Спасибо, больше не нужно. Мне уже лучше... Вот только с мыслями никак не соберусь. Чувствую, что-то меня снизу поддало — и р-раз в небо, как шутиха!

— Вот уж точно, как шутиха! — подхватили остальные.

— Нужно сжечь дом! — вдруг сказал Кролик.

Алиса крикнула во весь голос:

— Попробуйте только — я натравлю на вас Дину!

Мгновенно наступила мертвая тишина.

«Интересно, что они теперь будут делать? — подумала Алиса. — Если бы они хоть что-нибудь соображали, они бы сняли крышу».

Минуты через две внизу опять началось движение. Алиса услышала, как Кролик сказал:

— Для начала хватит одной тачки.

«Тачки чего?» — подумала Алиса.

Недоумевала она недолго: в следующую минуту в окно полетел град мелких камешков — некоторые угодили ей прямо в лицо.

«Сейчас я это прекращу!» — подумала Алиса.

— Перестаньте! — крикнула она во весь голос. — А то хуже будет!

Снова наступила мертвая тишина.

Алиса меж тем с удивлением отметила, что камешки, упав на пол, тотчас превращаются в пирожки. Тут Алису осенило.

«Если я съем пирожок, — подумала она, — сомной обязательно что-то случится²⁹. Расти мне больше некуда, значит, скорее всего, я стану меньше!»

Алиса проглотила один пирожок и с радостью заметила, что росту в ней поубавилось. Как только она до того уменьшилась, что смогла пройти в дверь, она выбежала из дому и увидела целую толпу птиц и зверюшек. В середине лежал на земле бедный Ящерка Билль; две морские свинки поддерживали ему голову и чем-то поили из бутылки. Увидев Алису, все бросились к ней, но она пустилась наутек и вскоре оказалась в дремучем лесу.

«Прежде всего нужно принять прежний вид, — сказала про себя Алиса, пробираясь меж деревьев, — а потом — найти дорогу в тот чудесный сад. Так и поступлю — лучше плана не придумаешь!»

И вправду, план был замечательный — такой простой и ясный. Одно только плохо: Алиса не имела ни малейшего понятия о том, как его осуществить. Она с тревогой вглядывалась в чашу, как вдруг прямо у нее над головой кто-то громко тьякнул. Она вздрогнула и подняла глаза.

Гигантский щенок смотрел на нее огромными круглыми глазами и тихонько протягивал лапу, стараясь коснуться ее³⁰.

— Бе-е-дненький, ма-а-ленький! — сказала заискивающе Алиса и попробовала посвистать ему, но губы у нее дрожали, и свист не получился. А что, если щенок голоден? Чего доброго, еще съест, как перед ним ни заискивай!

Алиса нагнулась, подняла с земли палочку и, не отдавая себе отчета в том, что делает, протянула ее щенку. Щенок взвизгнул от счастья, подпрыгнул всеми лапами в воздух и ухватился за палку. Алиса увернулась и спряталась за куст чертополоха, испугавшись, как бы щенок на радостях ее не затоптал. Только она показалась с другой стороны куста, как щенок снова бросился на палку, но не рассчитал силы и полетел кувырком. Играть с ним, подумалось Алисе, все равно что играть с ломовой лошадкой — того и гляди, погибнешь под копытами! Алиса снова юркнула за чертополох. А щенок никак не мог оторваться от палки: отбегал подальше, с хриплым лаем бросался на нее, а потом снова отбегал. Наконец он устал и, тяжело дыша, уселся поодаль, высунув язык и прикрыв огромные глаза.

Время улизнуть было самое подходящее, и Алиса не стала терять ни минуты. Она бежала, пока совсем не задохнулась от усталости и лай

щенка не затих в отдалении. Тогда она остановилась и, прислонясь, чтобы немного отдохнуть, к стеблю лютика, стала обмахиваться его листом.

— А щенок-то какой чудесный! — проговорила задумчиво Алиса. — Вот бы научить его разным фокусам, если бы... если бы только я была ростом как надо! Да, кстати, чуть не забыла — мне бы надо еще подрасти! Дайте-ка вспомнить, как это делается... Если не ошибаюсь, нужно что-то съесть или выпить. Только вот что?

И вправду, что? Алиса поглядела кругом на цветы и травы, но не увидела ничего подходящего. Неподалеку стоял гриб — большой, почти с нее ростом, и когда она заглянула за него, и под него, и по обе стороны от него, то подумала, что, если уж на то пошло, можно посмотреть, нет ли у него чего-нибудь на шляпке.

Она поднялась на цыпочки, заглянула наверх — и встретила глазами с огромной синей гусеницей. Та сидела, скрестив на груди руки, и томно курила кальян, не обращая никакого внимания на то, что творится вокруг.

Глава V

Синяя Гусеница дает совет

Алиса и Синяя Гусеница долго смотрели друг на друга, не говоря ни слова. Наконец Гусеница вынула кальян изо рта и медленно, словно в полусне, заговорила:

— Ты... кто... такая?

Начало не очень-то располагало к беседе.

— Сейчас, право, не знаю, сударыня, — отвечала Алиса робко. — Я знаю, кем я была сегодня утром, когда проснулась, но с тех пор я уже несколько раз менялась.

— Что это ты выдумываешь? — строго спросила Гусеница. — Да ты в своем уме?

— Не знаю, — вздохнула Алиса. — Должно быть, в чужом. Видите ли...

— Не вижу, — сказала Гусеница.

— Боюсь, что не сумею вам все это объяснить, — учтиво промолвила Алиса, — я и сама ничего не понимаю. Столько превращений в один день хоть кого собьет с толку.

— Не собьет, — сказала Гусеница.

— Вы с этим, верно, еще не сталкивались, — продолжала Алиса. — Но когда вам придется превращаться в куколку, — ведь этого не избежать! — а потом в бабочку, вам это тоже покажется странным.

— Нисколько! — сказала Гусеница.

— Что ж, возможно, — согласилась Алиса. — Я только знаю, что мне бы это было очень странно.

— Тебе! — повторила Гусеница с презрением. — А кто ты такая?

Это вернуло их к началу беседы. Алиса немного рассердилась — уж очень неприветливо говорила с ней Гусеница; она выпрямилась и произнесла, стараясь, чтобы голос ее звучал повнушительнее:

— По-моему, это вы должны мне сказать сначала, кто вы такая.

— Почему? — спросила Гусеница.

Вопрос поставил Алису в тупик, а Гусеница, видно, была весьма не в духе. Алиса повернулась и пошла прочь.

— Вернись! — закричала Гусеница ей вслед. — Мне нужно сказать тебе что-то важное.

Это звучало заманчиво — Алиса вернулась.

— Держи себя в руках! — проговорила Гусеница.

— Это все? — спросила Алиса, стараясь не сердиться.

— Нет, — отвечала Гусеница.

Алиса решила подождать — все равно делать ей было нечего, а вдруг все же Гусеница скажет что-нибудь стоящее? Сначала та долго сосала кальян, потом наконец вынула его изо рта и произнесла:

— Значит, по-твоему, ты изменилась?

— Да, сударыня, — отвечала Алиса, — и это очень грустно. Все время меняюсь и ничего не помню³¹.

— Чего не помнишь?

— Я пробовала прочитать «Как дорожит любым деньком...», а получилось что-то совсем другое, — сказала с тоской Алиса.

— Читай «Папа Вильям», — предложила Гусеница.

Алиса сложила руки и начала:

— Папа Вильям, — сказал любопытный малыш, —
Голова твоя белого цвета.

Между тем ты всегда вверх ногами стоишь.

Как ты думаешь, правильно это?

— В ранней юности, — старец промолвил в ответ, —
Я боялся раскинуть мозгами,
Но, узнав, что мозгов в голове моей нет,
Я спокойно стою вверх ногами.

— Ты старик, — продолжал любопытный юнец, —
Этот факт я отметил вначале.
Почему ж ты так ловко проделал, отец,
Троекратное сальто-мортале?

— В ранней юности, — сыну ответил старик, —
Натирался я мазью особой,
На два шиллинга банка — один золотник,
Вот, не купишь ли банку на пробу?

— Ты немолод, — сказал любознательный сын, —
Сотню лет ты без малого прожил.
Между тем двух гусей за обедом один
Ты от клюва до лап уничтожил.

— В ранней юности мышцы своих челюстей
Я развил изучением права,
И так часто я спорил с женою своей,
Что жевать научился на славу!

— Мой отец, ты простишь ли меня, несмотря
На неловкость такого вопроса:
Как сумел удержать ты живого угря
В равновесье на кончике носа?

— Нет, довольно! — сказал возмущенный отец. —
Есть границы любому терпенью.
Если пятый вопрос ты задашь, наконец,
Сосчитаешь ступень за ступенью!³²

— Все неверно, — сказала Гусеница.

— Да, не совсем верно, — робко согласилась Алиса. — Некоторые слова не те.

— Все не так, от самого начала и до самого конца, — строго проговорила Гусеница.

Наступило молчание.

— А какого роста ты хочешь быть? — спросила наконец Гусеница.

— Ах, все равно, — ответила быстро Алиса. — Только, знаете, так неприятно все время меняться.

— Не знаю, — отрезала Гусеница.

Алиса молчала: никогда в жизни ей столько не перечили, она уже чувствовала, что теряет терпение.

— А теперь ты довольна? — спросила Гусеница.

— Если вы не возражаете, сударыня, — отвечала Алиса, — мне бы хотелось хоть капельку подрасти. Три дюйма — такой ужасный рост!

— Это прекрасный рост! — сердито закричала Гусеница и вытянулась во всю длину. (В ней было ровно три дюйма.)

— Но я к нему не привыкла! — жалобно протянула бедная Алиса. А про себя подумала: «До чего они тут все обидчивые!»

— Со временем привыкнешь, — возразила Гусеница, сунула кальян в рот и пустила дым в воздух.

Алиса терпеливо ждала, пока Гусеница не соблаговолит снова обронить словечко. Минуты через две та вынула кальян изо рта, зевнула раз, другой — и потянулась. Потом сползла с гриба и скрылась в траве, бросив Алисе на прощанье:

— Откусишь с одной стороны — подрастешь, с другой — уменьшишься!

«С одной стороны чего? — подумала Алиса. — С другой стороны чего?»

— Гриба, — ответила Гусеница, словно услышав вопрос, и исчезла из виду.

С минуту Алиса задумчиво смотрела на гриб, пытаясь определить, где у него одна сторона, а где — другая: гриб был круглый, и это совсем сбilo ее с толку. Наконец она решилась: обхватила гриб руками и отломила с каждой стороны по кусочку.

«Интересно, какой из них какой?» — подумала она и откусила немножко от того, который держала в правой руке. В ту же минуту она почувствовала сильный удар снизу в подбородок: он стукнулся о ноги!

Столь внезапная перемена очень ее напугала; нельзя было терять ни минуты, ибо она стремительно уменьшалась. Алиса взялась за другой кусок, но подбородок ее так прочно прижало к ногам, что она никак не могла открыть рот. Наконец ей это удалось — и она откусила немного гриба из левой руки.

* * *

— Ну вот, голова наконец освободилась! — радостно воскликнула Алиса. Впрочем, радость ее тут же сменилась тревогой: куда-то пропали плечи. Она взглянула вниз, но увидела только шею невероятной длины, которая, словно огромный шест, торчала над зеленым морем листвы.

— Что это за зелень? — промолвила Алиса. — И куда девались мои плечи? Бедные мои ручки, где вы? Почему я вас не вижу?³³

С этими словами она пошевелила руками, но увидеть их все равно не увидела, только по листве далеко внизу прошел шелест.

Убедившись, что поднять руки к голове не удастся, Алиса решила нагнуть к ним голову и с восторгом убедилась, что шея у нее, словно змея, гнется в любом направлении. Алиса выгнула шею изящным зигзагом, готовясь нырнуть в листву (ей уже стало ясно, что это верхушки деревьев, под которыми она только что стояла), как вдруг послышалось громкое шипение. Она вздрогнула и отступила. Прямо в лицо ей, яростно бия крыльями, кинулась горлица.

— Змея! — кричала Горлица.

— Никакая я не змея! — возмутилась Алиса. — Оставьте меня в покое!

— А я говорю, змея, — повторила Горлица несколько сдержаннее. И, всхлипнув, прибавила:

— Я все испробовала — и все без толку. Они ничем не довольны!

— Понятия не имею, о чем вы говорите! — сказала Алиса.

— Корни деревьев, речные берега, живые изгороди, — говорила Горлица, не слушая. — Ох, эти змеи! На них не угодишь!³⁴

Алиса недоумевала все больше и больше, но понимала, что, пока Горлица не кончит, задавать ей вопросы бессмысленно.

— Мало того что я высиживаю птенцов, еще сторожи их день и ночь от змей! Вот уже три недели, как я глаз не сомкнула ни на минутку!

— Мне очень жаль, что вас так тревожат, — сказала Алиса, которая начала понимать, в чем дело.

— И стоило мне устроиться на самом высоком дереве, — продолжала Горлица все громче и громче и наконец срываясь на крик, — стоило мне подумать, что я наконец-то от них избавилась, как нет! Они уже опять тут как тут! Лезут на меня прямо с неба! У-у! Змея подколотная!

— Никакая я не змея! — воскликнула Алиса. — Я просто... просто...

— Ну, скажи, скажи, кто ты такая? — подхватила Горлица. — Сразу видно, хочешь что-то выдумать.

— Я... я... просто девочка, — не очень-то уверенно пробормотала Алиса, вспомнив, сколько раз она менялась за этот день.

— Да уж, конечно, — ответила Горлица с величайшим презрением. — Видала я на своем веку много девочек, но с такой шеей — ни одной! Нет, меня не проведешь! Самая настоящая змея — вот ты кто! Ты мне еще скажешь, что ни разу не пробовала яиц!

— Нет, отчего же, пробовала, — отвечала Алиса. (Она всегда говорила правду.) — Девочки, знаете, тоже едят яйца.

— Не может быть, — сказала Горлица. — Но, если это так, тогда они тоже змеи — только и всего!³⁵

Мысль эта так поразила Алису, что она замолчала. А Горлица прибавила:

— Знаю, знаю, ты яйца ищешь! А девочка ты или змея — мне безразлично!

— Но мне-то совсем не безразлично, — поспешно возразила Алиса. — К тому же яйца я совсем не ищу. А даже если б и искала, ваши мне все равно не нужны — я сырые не люблю!

— Ну тогда убирайся! — хмуро промолвила Горлица и снова уселась на свое гнездо.

А Алиса стала спускаться на землю, что оказалось совсем не просто: шея у нее то и дело запутывалась среди ветвей, так что приходилось останавливаться и вытаскивать ее оттуда. Немного спустя Алиса вспомнила, что все еще держит в руках кусочки гриба, и принялась осторожно, понемножку откусывать сначала от одного, а потом от другого, то вырастая, то уменьшаясь, пока наконец не приняла своего прежнего вида.

Поначалу это показалось ей очень странным, так как она успела уже отвыкнуть от собственного роста, но вскоре она освоилась и начала опять беседовать сама с собой:

— Ну вот, половина задуманного сделана! Как удивительны все эти перемены! Не знаешь, что с тобой будет в следующий миг... Ну хорошо, рост у меня опять прежний. А теперь надо попасть в тот дивный сад. Как же это сделать?

Тут она вышла на поляну, где стоял маленький, не более четырех футов вышиной, домик.

«Не знаю, кто там живет, — подумала Алиса, — но в таком виде мне нельзя туда идти — перепугаю их до смерти!»

Она принялась за гриб и не подходила к дому до тех пор, пока не уменьшилась до девяти дюймов.³⁶

Глава VI

Поросенок и перец

Она стояла и смотрела в раздумье на дом, как вдруг из лесу выбежал ливрейный лакей и забарабанил в дверь. (Что это лакей, она решила по ливрее; если же судить по лицу, это был просто лещ.) Ему открыл другой ливрейный лакей с круглой физиономией и выпученными глазами, очень похожий на лягушонка. Алиса заметила, что у обоих на головах были пудренные завитые парики. Ей захотелось узнать, что здесь происходит, — она подошла ближе и стала слушать.

Лакей-Лещ вынул из-под мышки огромное письмо (величиной едва ли не с него самого) и передал его Лягушонку.

— Герцогине, — произнес он с необычайной важностью. — От Королевы. Приглашение на крокет.

Лягушонок принял письмо и так же важно повторил его слова, слегка изменив их порядок:

— От Королевы. Герцогине. Приглашение на крокет.

Затем они поклонились друг другу так низко, что кудри их смешались.

Алису такой смех разобрал, что ей пришлось убежать подальше в лес, чтобы они не услышали; когда же она вернулась и выглянула из-за дерева, Лакея-Леща уже не было, а Лягушонок сидел возле двери на земле, бессмысленно уставившись в небо.

Алиса робко подошла к двери и постучала.

— Не к чему стучать, — сказал Лакей. — По двум причинам не к чему: во-первых, я с той же стороны двери, что и ты, а во-вторых, они там так шумят, что никто тебя все равно не услышит.

И правда, в доме стоял страшный шум — кто-то визжал, кто-то чихал, а временами слышался оглушительный звон, будто там били посуду.

— Скажите, пожалуйста, — спросила Алиса, — как мне попасть в дом?

— Ты бы еще могла стучать, — рассуждал Лягушонок, не отвечая на вопрос, — если б между нами была дверь. Была бы ты там, ты бы постучала — и я бы тогда тебя выпустил.

Все это время он не отрываясь смотрел в небо. Это показалось Алисе чрезвычайно невежливым.

«Впрочем, возможно, он в этом не виноват, — подумала она. — Просто у него глаза почти что на макушке. Но на вопросы, конечно, он мог бы и отвечать».

— Как мне попасть в дом? — повторила она громко.

— Буду здесь сидеть, — заметил Лягушонок, — хоть до завтра...

В эту минуту дверь распахнулась и в голову Лягушонка полетело огромное блюдо, но он и глазом не моргнул — блюдо пролетело мимо, слегка задев его по носу, и разбилось о дерево у него за спиной.

— ...хоть до послезавтра, — продолжал он как ни в чем не бывало.

— Как мне попасть в дом? — повторила Алиса громче.

— А стоит ли туда попадать? — возразил Лягушонок. — Вот в чем вопрос.

Может быть, так оно и было, но Алисе это совсем не понравилось.

«Как они любят спорить, эти зверюшки! — подумала она. — С ума сведут своими разговорами!»

Лягушонок, видно, решил, что сейчас самое время повторить свои слова с небольшими вариациями.

— Так и буду здесь сидеть, — сказал он, — день за днем, месяц за месяцем...

— А мне что делать? — спросила Алиса.

— Что хочешь, — отвечал Лягушонок и засвистал.

«Нечего с ним разговаривать, — с досадой подумала Алиса. — Он такой глупый!»

Она толкнула дверь и вошла.

В просторной кухне дым стоял столбом; посредине на трехногом табурете сидела Герцогиня и качала младенца; кухарка у печи склонилась над огромным котлом, до краев наполненным супом.

«В этом супе слишком много перцу!» — подумала Алиса. Она расчихалась и никак не могла остановиться.

Во всяком случае в воздухе перцу было слишком много. Даже Герцогиня время от времени чихала, а младенец то чихал, то визжал без передышки. Только кухарка не чихала, да еще — огромный кот, что сидел у печи и улыбался до ушей.

— Скажите, пожалуйста, почему ваш кот так улыбается? — робко произнесла Алиса. Она не знала, хорошо ли ей заговаривать первой, но не смогла удержаться.

— Потому, — сказала Герцогиня. — Это Чеширский кот — вот почему!³⁷ Ах ты поросенок!

Последние слова она произнесла с такой яростью, что Алиса прямо подпрыгнула; впрочем, она тут же поняла, что они относятся не к ней, а к младенцу, и, приободрившись, продолжала:

— Я и не знала, что чеширские коты всегда улыбаются. По правде говоря, я вообще не знала, что коты умеют улыбаться.

— Умеют, — отвечала Герцогиня. — И почти все улыбаются.

— Я ни разу такого кота не видала, — учтиво заметила Алиса, очень довольная, что беседа идет так хорошо.

— Ты многого не видала, — отрезала Герцогиня. — Это уж точно!

Алисе совсем не понравился ее тон, и она подумала, что хорошо бы перевести разговор на что-нибудь другое. Пока она размышляла, о чем бы еще побеседовать, кухарка сняла котел с печи и, не тратя попусту слов, принялась швырять все, что попадало ей под руку, в Герцогиню и младенца: совок, кочерга, щипцы для угля полетели им в головы; за ними последовали чашки, тарелки и блюда. Но Герцогиня и бровью не повела, хоть кое-что в нее и попало; а младенец и раньше так заливался, что невозможно было понять, больно ему или нет.

— Осторожней, прошу вас, — закричала Алиса, подскочив от страха. — Ой, прямо в нос! Бедный носик!

(В эту минуту прямо мимо младенца пролетело огромное блюдо и чуть не отхватило ему нос.)

— Если бы кое-кто не совался в чужие дела, — хрипло проворчала Герцогиня, — земля вертелась бы быстрее!

— Ничего хорошего из этого бы не вышло, — возразила Алиса, радуясь случаю хоть немного показать свои знания. — Только представьте себе, что случилось бы с днем и ночью! Ведь земля совершает оборот за двадцать четыре часа...

— Оборот? — повторила Герцогиня задумчиво.

И, повернувшись к кухарке, прибавила:

— Возьми-ка ее в оборот! Для начала оттяпай ей голову!

Алиса с тревогой взглянула на кухарку, но та не обратила на этот намек никакого внимания и продолжала мешать себе суп.

— Кажется, за двадцать четыре, — продолжала задумчиво Алиса, — а может, за двенадцать?

— Меня не спрашивай, — сказала Герцогиня. — С числами я никогда не ладила!

Она запела колыбельную и принялась качать младенца, яростно встряхивая его в конце каждого куплета.

*Лупите своего сына
За то, что он чихает.
Он дразнит вас наверняка,
Нарочно раздражает!³⁸*

Припев

(Его подхватили младенец и кухарка.)

Гав! Гав! Гав!

Герцогиня запела второй куплет, подбрасывая младенца к потолку, а тот так визжал, что Алиса едва разбирала слова.

*Сынка любая лупит мать
За то, что он чихает.
Он мог бы перец обожать,
Да только не желает!*

Припев

Гав! Гав! Гав!

— Держи! — крикнула вдруг Герцогиня и швырнула Алисе младенца. — Можешь покачать его немного, если это тебе так нравится. Мне надо пойти и переодеться к крокету у Королевы.

С этими словами она выбежала из кухни. Кухарка швырнула ей вдогонку кастрюлю, но промахнулась.

Алиса едва удержала младенца в руках: выглядел он как-то странно, а руки и ноги торчали в разные стороны, как у морской звезды. Бедняжка пыхтел, словно паровоз, и весь изгибался, так что Алиса чуть не выронила его из рук.

Наконец она поняла, как надо с ним обращаться: взяла его одной рукой за правое ухо, а другой — за левую ногу, скрутила в узел и держала, не выпуская ни на минуту. Так ей удалось вынести его из дома.

«Если я не возьму малыша с собой, — подумала Алиса, — они через денек-другой его прикончат. Оставить его здесь — просто преступление!»

Последние слова она произнесла вслух, и младенец тихонько хрюкнул в знак согласия (чихать он уже перестал).

— Не хрюкай, — сказала Алиса. — Так свои мысли не выражают!

Младенец снова хрюкнул — Алиса с тревогой взглянула ему в лицо, чтобы понять, что с ним происходит. Лицо показалось ей очень подозрительным: нос такой вздернутый, что походил скорее на пяточок, а глаза слишком маленькие для младенца. В целом вид его Алисе совсем не понравился.

«Может, он просто всхлипнул», — подумала она и посмотрела ему в глаза, нет ли там слез.

Слез не было и в помине.

— Вот что, мой милый, — сказала Алиса серьезно, — если ты собираешься превратиться в поросенка, я с тобой больше знаться не стану. Так что смотри!³⁹

Бедняжка снова всхлипнул (или всхрюкнул — трудно сказать!), и они продолжали свой путь в молчании.

Алиса уже начала подумывать о том, что с ним делать, когда она вернется домой, как вдруг он опять захрюкал, да так громко, что она перепугалась. Она вгляделась ему в лицо и ясно увидела: это был самый настоящий поросенок! Глупо было бы нести его дальше.

Алиса пустила его на землю и очень обрадовалась, увидев, как весело он затрусил прочь.

«Если б он немного подрос, — подумала она, — из него вышел бы весьма неприятный ребенок. А как поросенок он очень даже мил!» И она принялась вспоминать других детей, из которых вышли бы отличные поросята.

«Знать бы только, как их превращать», — подумала она и вздрогнула: в нескольких шагах от нее на ветке сидел Чеширский Кот.

Завидев Алису, Кот только улыбнулся. Вид у него был добродушный, но когти длинные, а зубов так много, что Алиса сразу поняла, что с ним шутки плохи.

— Котик! Чешик! — робко начала Алиса. Она не знала, понравится ли ему это имя, но он только шире улыбнулся в ответ.

«Ничего, — подумала Алиса, — кажется, доволен».

Вслух же она спросила:

— Скажите, пожалуйста, куда мне отсюда идти?

— А куда ты хочешь попасть? — ответил Кот.

— Мне все равно... — сказала Алиса.

— Тогда все равно, куда и идти, — заметил Кот.

— ...только бы попасть куда-нибудь, — пояснила Алиса.

— Куда-нибудь ты обязательно попадешь, — сказал Кот. — Нужно только достаточно долго идти.

С этим нельзя было не согласиться, и Алиса решила переменить тему.

— А что здесь за люди живут? — спросила она.

— Вон там, — сказал Кот и махнул правой лапой, — живет Болванщик. А там, — и он махнул левой, — Мартовский Заяц. Все равно, к кому ты пойдешь. Оба не в своем уме⁴⁰.

— На что мне безумцы? — возразила Алиса.

— Ничего не поделаешь, — заметил Кот. — Все мы здесь не в своем уме — и ты, и я⁴¹.

— Откуда вы знаете, что я не в своем уме? — спросила Алиса.

— Конечно не в своем, — ответил Кот. — Иначе как бы ты здесь оказалась?

Довод этот показался Алисе совсем не убедительным, но она не стала спорить, а только поинтересовалась:

— А откуда вы знаете, что вы не в своем уме?

— Начнем с того, что пес в своем уме. Согласна?

— Допустим, — согласилась Алиса.

— Дальше, — сказал Кот. — Пес ворчит, когда сердится, а когда доволен, виляет хвостом. Ну, а я ворчу, когда я доволен, и виляю хвостом, когда сержусь. Следовательно, я не в своем уме.

— По-моему, вы не ворчите, а мурлыкаете, — возразила Алиса. — Во всяком случае, я это так называю.

— Называй как хочешь, — ответил Кот, — суть от этого не меняется. Ты играешь сегодня в крокет у Королевы?

— Мне бы очень хотелось, — сказала Алиса, — но меня еще не пригласили.

— Там и увидимся, — молвил Кот и исчез.

Алиса не очень этому удивилась — она уже начала привыкать ко всяким странностям. Она стояла и смотрела на ветку, где только что сидел Кот, как вдруг он снова возник на том же месте.

— Кстати, что случилось с ребенком? — спросил Кот. — Совсем забыл тебя спросить.

— Он превратился в поросенка, — отвечала Алиса и глазом не моргнув.

— Я так и думал, — сказал Кот и снова исчез.

Алиса подождала немного, не возникнет ли он опять, но он не появлялся, и она пошла туда, где, по его словам, жил Мартовский Заяц.

«Шляпных дел мастеров я уже видела, — говорила она про себя. — Мартовский Заяц, по-моему, куда интереснее. К тому же сейчас май — возможно, он уже немножко пришел в себя».

Тут она подняла глаза и снова увидела на ветке Кота.

— Как ты сказала: в поросенка или в гусенка? — спросил Кот.

— Я сказала: в поросенка, — ответила Алиса. — А не могли бы вы появляться и исчезать не так внезапно? А то у меня голова идет кругом.

— Хорошо, — сказал Кот и исчез, на этот раз очень медленно: первым исчез кончик его хвоста, а последней — улыбка; она долго еще парила в воздухе, когда все остальное уже пропало.

«Ну и ну! — подумала Алиса. — Видала я котов без улыбок, но улыбка без кота! Такого я в жизни еще не встречала!»⁴²

Пройдя немного дальше, она увидела домик Мартовского Зайца. Ошибиться было невозможно — на крыше из заячьего меха торчали две трубы, удивительно похожие на заячьи уши. Дом был такой большой, что Алиса решила сначала откусить немного от левого кусочка гриба. Подождав, пока не вырастет до двух футов, она неуверенно двинулась к дому.

«А вдруг он все-таки буйный? — думала она. — Пошла бы я лучше к Болванщику!»

Глава VII

Безушиное чаепитие

Около дома под деревом стоял накрытый стол, а за столом пили чай Болванщик и Мартовский Заяц⁴³; между ними крепко спала Мышь-Соня⁴⁴. Болванщик и Заяц облокотились на нее, словно на подушку, и разговаривали через ее голову.

«Бедная Соня, — подумала Алиса. — Как ей, наверно, неудобно! Впрочем, она спит — значит, ей все равно».

Стол был большой, но чаевники сидели с одного края, на уголке. Завидев Алису, они закричали:

— Занято! Занято! Мест нет!

— Места сколько угодно! — возмутилась Алиса и уселась в большое кресло во главе стола.

— Выпей вина, — бодро предложил Мартовский Заяц.

Алиса посмотрела на стол, но ничего, кроме чая, не увидела.

— Я что-то вина не вижу, — сказала она.

— Еще бы! Его здесь и нет! — объявил Мартовский Заяц.

— Зачем же вы мне его предлагаете? — рассердилась Алиса. — Это не очень-то вежливо.

— А зачем ты уселась без приглашения? — ответил Мартовский Заяц. — Это тоже не очень-то вежливо!

— Я не знала, что это стол только для вас, — сказала Алиса. — Приборов здесь гораздо больше.

— Что-то ты слишком обросла! — заговорил вдруг Болванщик. До сих пор он молчал и только с любопытством разглядывал Алису. — Не мешало бы постричься.

— Научитесь не переходить на личности, — отвечала Алиса не без строгости. — Это очень грубо.

Болванщик широко открыл глаза, но не нашелся, что ответить.

— Чем ворон похож на конторку?⁴⁵ — спросил он наконец.

«Так-то лучше, — подумала Алиса. — Загадки — это гораздо веселее...»

— По-моему, это я могу отгадать, — сказала она вслух.

— Ты хочешь сказать, что думаешь, будто знаешь ответ на эту загадку? — спросил Мартовский Заяц.

— Совершенно верно, — согласилась Алиса.

— Так бы и сказала, — заметил Мартовский Заяц. — Нужно всегда говорить то, что думаешь.

— Я так и делаю, — поспешила объяснить Алиса. — По крайней мере... По крайней мере, я всегда думаю то, что говорю... а это одно и то же...

— Совсем не одно и то же, — возразил Болванщик. — Так ты еще, чего доброго, скажешь, будто «Я вижу то, что ем» и «Я ем то, что вижу», — одно и то же!

— Так ты еще скажешь, будто «Что имею, то люблю» и «Что люблю, то имею» — одно и то же! — подхватил Мартовский Заяц.

— Так ты еще скажешь, — проговорила, не открывая глаз, Соня, — будто «Я дышу, пока сплю» и «Я сплю, пока дышу» — одно и то же!

— Для тебя-то это, во всяком случае, одно и то же! — сказал Болванщик, и на этом разговор оборвался.

С минуту все сидели молча, а Алиса меж тем пыталась вспомнить то небольшое, что знала про воронов и конторки.

Первым заговорил Болванщик.

— Какое сегодня число? — спросил он, поворачиваясь к Алисе и вынимая из кармана часы. Он с тревогой поглядел на них, потряс и приложил к уху.

Алиса подумала и ответила:

— Четвертое⁴⁶.

— Отстают на два дня, — вздохнул Болванщик. — Я же говорил: нельзя их смазывать сливочным маслом! — прибавил он сердито, поворачиваясь к Мартовскому Зайцу.

— Масло было самое свежее, — робко возразил Заяц.

— Да, но туда, верно, попали крошки, — проворчал Болванщик. — Не надо было мазать хлебным ножом.

Мартовский Заяц взял часы и уныло посмотрел на них, потом окунул их в чашку с чаем и снова посмотрел.

— Уверяю тебя, масло было самое свежее, — повторил он. Видно, больше ничего не мог придумать.

Алиса с любопытством глядела из-за его плеча.

— Какие смешные часы! — заметила она. — Они показывают число, а не час!⁴⁷

— А что тут такого? — пробормотал Болванщик. — Разве твои часы показывают год?

— Конечно нет, — отвечала с готовностью Алиса. — Ведь год тянется очень долго!

— Ну и у меня то же самое! — сказал Болванщик.

Алиса растерялась. В словах Болванщика как будто не было смысла, хоть каждое слово в отдельности и было понятно.

— Я не совсем вас понимаю, — проговорила она учтиво.

— Соня опять спит, — заметил Болванщик и плеснул ей на нос горячего чаю.

Соня с досадой помотала головой и, не открывая глаз, проговорила:

— Конечно, конечно, я как раз собиралась сказать то же самое.

— Отгадала загадку? — спросил Болванщик, снова поворачиваясь к Алисе.

— Нет, — ответила Алиса. — Сдаюсь. Какой же ответ?

— Понятия не имею, — объявил Болванщик.

— И я тоже, — подхватил Мартовский Заяц.

Алиса вздохнула.

— Если вам нечего делать, — сказала она с досадой, — придумали бы что-нибудь получше загадок без ответа. А так только попусту теряете время!

— Если бы ты знала Время так же хорошо, как я, — возразил Болванщик, — ты бы этого не сказала. Его не потеряешь! Не на такого напали!

— Не понимаю, что вы хотите этим сказать, — проговорила Алиса.

— Еще бы! — презрительно тряхнул головой Болванщик. — Ты с ним небось никогда не говорила!

— Может, и не говорила, — осторожно отвечала Алиса. — Зато не раз думала о том, как бы убить время!

— А-а! тогда все понятно, — сказал Болванщик. — Убить Время! Разве такое может ему понравиться! Ты бы лучше с ним не ссорилась — тогда ты могла бы просить у него все что угодно. Допустим, сейчас девять часов утра — пора идти на занятия. А ты шепнула ему словечко, и — р-раз! — стрелки побежали вперед! Половина второго — обед!

— Вот бы хорошо! — тихонько вздохнул Мартовский Заяц.

— Конечно, это было бы прекрасно, — задумчиво сказала Алиса, — но ведь я не успею проголодаться.

— Сначала, возможно, и нет, — ответил Болванщик. — Но ведь ты можешь сколько угодно держать стрелки на половине второго.

— Вы так и поступаете, да? — спросила Алиса.

Болванщик мрачно покачал головой.

— Нет, — ответил он. — Мы с ним поссорились в марте — как раз перед тем, как этот вот (он указал ложечкой на Мартовского Зайца) спятил. Королева давала большой концерт, я должен был петь «Филина». Знаешь эту песню?⁴⁸

Ты мигаешь, филин мой!

Я не знаю, что с тобой!

— Что-то такое я слышала, — сказала Алиса.

— А дальше вот как, — продолжал Болванщик. —

*Высоко же ты над нами,
Как поднос над небесами!*

Тут Соня встрепенулась и запела во сне: «Ты мигаешь, мигаешь, мигаешь...» Она никак не могла остановиться — пришлось Зайцу и Болванщику ущипнуть ее с двух сторон, чтобы она замолчала.

— Только я кончил первый куплет, как кто-то сказал: «Конечно, лучше б он помолчал, но надо же как-то убить время!» Королева как закричит: «Убить Время! Он хочет убить Время! Рубите ему голову!»

— Какая жестокость! — воскликнула Алиса.

— С тех пор, — продолжал грустно Болванщик, — Время для меня палец о палец не ударит! И на часах все шесть да шесть...

Тут Алису осенило.

— Поэтому здесь и накрыто к чаю?⁴⁹ — спросила она.

— Да, — отвечал Болванщик со вздохом. — Здесь вечно пора пить чай — мы даже посуду вымыть не успеваем!

— И просто пересаживаетесь, да? — догадалась Алиса.

— Совершенно верно, — сказал Болванщик. — Выпьем чашку и пересядем к следующей.

— А когда доходите до конца, тогда что? — рискнула спросить Алиса.

— Не переменить ли нам тему? — предложил, зевая, Мартовский Заяц. — Надоели мне эти разговоры. Я предлагаю: пусть барышня расскажет нам сказку.

— Боюсь, что я ничего не знаю, — испугалась Алиса.

— Тогда пусть рассказывает Соня, — закричали Болванщик и Заяц. — Соня, проснись! — И они ущипнули ее сразу с двух сторон.

Соня медленно открыла глаза.

— Я и не думала спать, — прошептала она хрипло. — Я слышала все, что вы говорили.

— Рассказывай сказку! — потребовал Мартовский Заяц.

— Да, пожалуйста, расскажите, — подхватила Алиса.

— И поторапливайся, — прибавил Болванщик. — А то опять заснешь!

— Жили-были три сестрички, — быстро начала Соня. — Звали их Элси, Лэси и Тилли⁵⁰, а жили они на дне колодца...

— А что же они ели? — спросила Алиса, которую всегда интересовало, что люди едят и пьют.

— Кисель, — отвечала, немного подумав, Соня.

— Все время один кисель? Это невозможно, — мягко возразила Алиса. — Они бы тогда заболели.

— Они и заболели, — сказала Соня. — И очень серьезно.

Алиса пыталась понять, как это можно всю жизнь есть один кисель, но это было до того странно, что она только спросила:

— А почему они жили на дне колодца?

— Выпей еще чаю, — сказал Мартовский Заяц, наклоняясь к Алисе.

— Еще? — переспросила Алиса с обидой. — Я пока ничего не пила.

— Больше чаю она не желает, — произнес Мартовский Заяц в про-
странство.

— Ты, верно, хочешь сказать, что меньше чаю она не желает: гораздо
проще выпить больше, а не меньше, чем ничего, — сказал Болванщик.

— Вашего мнения никто не спрашивал, — сказала Алиса.

— А теперь кто переходит на личности? — спросил Болванщик с
торжеством.

Алиса не знала, что на это ответить. Она налила себе чаю и намаза-
ла хлеб маслом, а потом повернулась к Соне и повторила свой вопрос:

— Так почему же они жили на дне колодца?

Соня опять задумалась и наконец сказала:

— Потому что в колодце был кисель.

— Таких колодцев не бывает, — возмутилась Алиса.

Но Болванщик и Мартовский Заяц на нее зашикали, а Соня угрюмо
пробормотала:

— Если ты не умеешь себя вести, досказывай сама!

— Простите, — покорно сказала Алиса. — Пожалуйста, продолжай-
те, я больше не буду перебивать. Может, где-нибудь и есть один такой
колодец.

— Тоже сказала — «один»! — фыркнула Соня.

Впрочем, она согласилась продолжать рассказ.

— И надо вам сказать, что эти три сестрички жили припиваючи...

— Припеваючи? — переспросила Алиса. — А что они пели?

— Не пели, а пили, — ответила Соня. — Кисель, конечно.

— Мне нужна чистая чашка, — перебил ее Болванщик. — Давайте
подвинемся.

И он пересел на соседний стул. Соня села на его место, Мартовский
Заяц — на место Сони, а Алиса, скрепя сердце, — на место Зайца. Выиграл
при этом один Болванщик; Алиса, напротив, сильно проиграла, потому
что Мартовский Заяц только что опрокинул себе в тарелку молочник.

Алисе не хотелось опять обижать Соню, и она осторожно спросила:

— Я не понимаю... Как же они там жили?

— Чего там не понимать, — сказал Болванщик. — Живут же рыбы в воде. А эти сестрички жили в киселе! Поняла, глупышка?

— Но почему? — спросила Алиса Соню, сделав вид, что не слышала последнего замечания Болванщика.

— Потому что они были кисельные барышни.

Этот ответ так смутил бедную Алису, что она замолчала.

— Так они и жили, — продолжала Соня сонным голосом, зевая и протирая глаза, — как рыбы в киселе. А еще они рисовали... всякую всячину... все, что начинается на М.⁵¹

— Почему на М? — удивилась Алиса.

— А почему бы и нет? — возразил Мартовский Заяц.

Алиса промолчала. Соня меж тем закрыла глаза и задремала. Но тут Болванщик ее ущипнул, она взвизгнула и проснулась.

— ...начинается на М, — продолжала она. — Они рисовали мышеловки, месяц, мысли, множество... Ты когда-нибудь видела, как рисуют множество?

— Множество чего? — спросила Алиса.

— Ничего, — отвечала Соня. — Просто множество!

— Не знаю, — начала Алиса, — возможно...

— А не знаешь — молчи, — оборвал ее Болванщик.

Такой грубости Алиса стерпеть не могла: она молча встала и пошла прочь. Соня тут же заснула, а Заяц и Болванщик не обратили на Алисин уход никакого внимания, хотя она и обернулась раза два, надеясь, что они одумаются и позовут ее обратно. Оглянувшись в последний раз, она увидела, что они засовывают Соню в чайник⁵².

«Больше я туда ни за что не пойду! — твердила про себя Алиса, пробираясь по лесу. — В жизни не видала такого глупого чаепития!»

Тут она заметила в одном дереве дверцу.

«Как странно! — подумала Алиса. — Впрочем, сегодня все странно. Войду-ка я в эту дверцу».

Так она и сделала — и снова оказалась в длинном зале возле стеклянного столика.⁵³

«Ну теперь-то я буду умнее», — сказала она про себя, взяла ключик и прежде всего отперла дверцу, ведущую в сад. А потом вынула кусочки гриба, которые лежали у нее в кармане, и ела, пока не стала с фут ростом. Тогда она пробралась по узкому коридорчику и наконец очутилась в чудесном саду среди ярких цветов и прохладных фонтанов.

Глава VIII

Королевский крокет

У входа в сад рос большой розовый куст — розы на нем были белые, но возле стояли три садовника и усердно красили их в алый цвет. Алиса удивилась и подошла поближе, чтобы узнать, что там происходит. Подходя, она услышала, как один из садовников сказал другому:

— Поосторожней, Пятерка! Опять ты меня забрызгал!

— Я не виноват, — отвечал Пятерка хмуро. — Это Семерка толкнул меня под локоть!

Семерка посмотрел на него и сказал:

— Правильно, Пятерка! Всегда сваливай на другого!

— Ты бы лучше помалкивал, — сказал Пятерка. — Вчера я своими ушами слышал, как Королева сказала, что тебе давно пора отрубить голову!

— За что? — спросил первый садовник.

— Тебя, Двойка, это не касается! — отрезал Семерка.

— Нет, касается, — возразил Пятерка. — И я ему скажу, за что. За то, что он принес кухарке луковки тюльпанов вместо лука!

Семерка швырнул кисть.

— Ну, знаете, такой несправедливости... — начал он, но тут взгляд его упал на Алису, и он смолк.

Двое других оглянулись, и все трое склонились в низком поклоне.

— Скажите, пожалуйста, — робко спросила Алиса, — зачем вы красите эти розы?

Пятерка с Семеркой ничего не сказали, но посмотрели на Двойку; тот тихо объяснил:

— Понимаете, барышня, посадить-то нужно было алые розы, а мы, дураки, посадили белые. Если Королева узнает, нам, знаете, отрубят головы. Так что, барышня, мы тут стараемся, пока она не пришла.

В эту минуту Пятерка (он все время с тревогой вглядывался в сад) крикнул:

— Королева! Королева!

Садовники пали ниц. Послышались шаги. Алиса обернулась — ей не терпелось увидеть Королеву.

Впереди выступали десять солдат с пиками в руках⁵⁴; они были очень похожи на садовников — такие же плоские и четырехугольные, с руками и ногами по углам. За ними шагали десять придворных; их одежды были расшиты крестами, а шли они так же по двое, как и солдаты. За придворными бежали королевские дети, на одеждах которых красовались вышитые червонным золотом сердечки; их было тоже десять; милые крошки держались парами за руки и весело подпрыгивали на ходу. За ними шествовали гости, все больше Короли и Королевы. Был там и Белый Кролик; он что-то быстро и нервно говорил и всем улыбался. Он прошел мимо Алисы и не заметил ее. За гостями шел Червонный Валет, который нес на малиновой подушке корону. А замыкали это великолепное шествие ЧЕРВОННЫЕ КОРОЛЬ И КОРОЛЕВА.

Алиса заколебалась: может, и ей надо пасть ниц при виде столь блистательного шествия? Однако никаких правил на этот счет она не помнила.

«К чему тогда устраивать шествия, если все будут падать ниц? — думала она. — Никто тогда ничего не увидит...»

И она осталась стоять.

Когда шествие поравнялось с Алисой, все остановились и уставились на нее, а Королева сурово спросила:

— Это еще кто?

Она обращалась к Валету, но тот лишь улыбнулся и поклонился в ответ.

— Глупец! — бросила Королева, раздраженно мотнув головой.

Потом она обернулась к Алисе:

— Как тебя зовут, дитя?

— Меня зовут Алисой, с позволения Вашего Величества, — ответила Алиса учтиво. Про себя же она подумала: «Да это всего-навсего колода карт! Чего же мне их бояться?»

— А это кто такие? — спросила Королева, указывая на повалившихся вокруг куста садовников.

Они лежали лицом вниз, а так как рубашки у всех в колоде были одинаковые, она не могла разобрать, садовники это, придворные или собственные ее дети⁵⁵.

— Откуда мне знать, — ответила Алиса, удивляясь своей смелости. — Меня это не касается.

Королева побагровела от ярости и, сверкнув, словно дикий зверь, на нее глазами, завопила во весь голос⁵⁶:

— Отрубить ей голову! Отрубить...

— Чепуха! — сказала Алиса очень громко и решительно.

Королева умолкла.

А Король положил ей руку на плечо и робко произнес:

— Одумайся, дружок! Она ведь совсем ребенок!

Королева сердито отвернулась и приказала Валету:

— Переверни их!

Валет осторожно перевернул садовников носком сапога.

— Встать! — крикнула Королева громким пронзительным голосом.

Садовники вскочили и принялись кланяться Королеве, Королю, королевским детям и всем остальным.

— Сию же минуту перестаньте! — завопила Королева. — У меня от ваших поклонов голова закружилась!

И, взглянув на куст роз, прибавила:

— А что это вы тут делали?

— С позволения Вашего Величества, — смиренно начал Двойка, опускаясь на одно колено, — мы хотели...

— Все ясно! — произнесла Королева, которая тем временем внимательно разглядывала розы. — Отрубить им головы!

И шествие двинулось дальше, только три солдата задержались, чтобы привести приговор в исполнение. Несчастные садовники бросились к Алисе за помощью.

— Не бойтесь, — сказала Алиса. — Я вас в обиду не дам.

И сунула их в цветочный горшок, который стоял поблизости. Солдаты походили вокруг, поискали и зашагали прочь.

— Ну что, отрубили им головы? — крикнула Королева.

— Пропали их головы, Ваше Величество, — гаркнули солдаты.

— Отлично! — завопила Королева. — Сыграем в крокет?

Солдаты молча взглянули на Алису: видно, Королева обращалась к ней.

- Сыграем! — крикнула Алиса.
- Пошли! — взревела Королева.

И Алиса вошла в толпу гостей, с недоумением спрашивая себя, что же будет дальше.

— Какая... какая прекрасная сегодня погода, не правда ли? — робко произнес кто-то.

Она подняла глаза и увидела, что рядом идет Белый Кролик и беспокойно заглядывает ей в лицо.

— Да, погода чудесная, — согласилась Алиса. — А где же Герцогиня?

— Ш-ш-ш, — зашипел Кролик, тревожно оглядываясь. Он поднялся на цыпочки и шепнул ей прямо в ухо: — Ее приговорили к казни.

— За что? — удивилась Алиса.

— Ты, кажется, сказала: «Как жаль»? — спросил Кролик.

— И не думала, — отвечала Алиса. — Совсем мне ее не жаль! Я сказала: «За что?»

— Она надавала Королеве пощечин, — проговорил Кролик.

Алиса радостно фыркнула.

— Тише! — испугался Кролик. — Вдруг Королева услышит! Понимаешь, Герцогиня опоздала, а Королева говорит...

— Все по местам! — закричала Королева громовым голосом.

И все побежали, натываясь друг на друга, — через минуту все уже стояли на своих местах и игра началась.

Алиса подумала, что в жизни не видала такой странной площадки для игры в крокет: сплошные рытвины и кочки; шарами служили ежи, молотками — фламинго, а воротцами — солдаты, которые делали мостик — да так и стояли, пока шла игра⁵⁷.

Поначалу Алиса никак не могла справиться со своим фламинго: только сунет его вниз головой под мышку, отведет ему ноги назад, нацелится и соберется ударить им по ежу, как он изогнет шею и поглядит ей прямо в глаза, да так удивленно, что она начинает смеяться; а когда ей удавалось снова опустить его вниз головой, глядь! — ежа уже нет, он развернулся и тихонько трусит себе прочь. К тому же все ежи у нее попадали в рытвины или на кочки, а солдаты-воротца разгибались и уходили на другой конец площадки. Словом, Алиса скоро решила, что это очень трудная игра.

Игроки били все сразу, не дожидаясь своей очереди, и все время ссорились и дрались из-за ежей; в скором времени Королева пришла в бешенство, топала ногами и то и дело кричала:

— Отрубить ей голову! Голову ему долой!

Алиса забеспокоилась; правда, она еще ни разу не спорила с Королевой, но это могло случиться в любую минуту.

«Что со мной тогда будет? — думала Алиса. — Здесь так любят рубить головы. Странно, что кто-то еще вообще уцелел!»

Она огляделась и принялась размышлять о том, как бы незаметно улизнуть, но вдруг у нее над головой появилось что-то непонятное. Сначала Алиса никак не могла понять, что же это такое, но через минуту сообразила, что в воздухе одиноко парит улыбка.

«Это Чеширский Кот, — сказала она про себя. — Вот хорошо! Будет с кем поговорить, по крайней мере!»

— Ну как дела? — спросил Кот, как только рот его обозначился в воздухе.

Алиса подождала, пока не появятся глаза, и кивнула.

«Отвечать сейчас все равно бесполезно, — подумала она. — Подожду, пока появятся уши — или хотя бы одно!»

Через минуту показалась уже вся голова; Алиса поставила фламинго на землю и начала свой рассказ, радуясь, что у нее появился собеседник. Кот, очевидно, решил, что головы вполне достаточно, и дальше возникать не стал⁵⁸.

— По-моему, они играют совсем не так, — пожаловалась Алиса. — Справедливости никакой, и все так кричат, что собственного голоса не слышно. Правил нет, а если есть, то никто их не соблюдает. Вы себе не представляете, как трудно играть, когда все живое. Например, воротца, через которые мне надо сейчас проходить, пошли гулять на ту сторону площадки! И я бы попала сейчас своим ежом по ежу Королевы — да только он убежал, едва завидел моего!

— А как тебе нравится Королева? — спросил Кот тихо.

— Совсем не нравится, — отвечала Алиса. — Она так...

В эту минуту она заметила, что Королева стоит у нее за спиной и подслушивает.

— ...так хорошо играет, — быстро закончила Алиса, — что хоть сразу сдавайся.

Королева улыбнулась и отошла.

— С кем это ты разговариваешь? — спросил Король, подходя к Алисе и с любопытством глядя на парящую в воздухе голову.

— Это мой друг, Чеширский Кот, — отвечала Алиса. — Разрешите представить...

— Что-то он мне совсем не нравится, — заметил Король. — Впрочем, пусть поцелует мне руку, если хочет.

— Особого желания не имею, — сказал Кот.

— Не смей говорить дерзости, — пробормотал Король. — И не смотри так на меня.

И он спрятался у Алисы за спиной.

— Коту на короля смотреть не возбраняется, — сказала Алиса. — Я это где-то читала, не помню только где⁵⁹.

— Нет, надо его убрать, — решительно заявил Король.

Увидев проходившую мимо Королеву, он крикнул:

— Душенька, вели убрать этого кота!

У Королевы на все был один ответ.

— Отрубить ему голову! — крикнула она не глядя.

— Я сам приведу палача! — обрадовался Король и убежал.

Алиса услышала, как Королева что-то яростно кричит вдалеке, и пошла посмотреть, что там происходит. Она уже слышала, как Королева приказала отрубить головы трем игрокам за то, что они пропустили свою очередь. В целом происходящее очень не понравилось Алисе: вокруг царила такая путаница, что она никак не могла понять, кому играть. И она побрела прочь, высматривая в рытвинах своего ежа.

Алиса скоро его увидела — он дрался с другим ежом. Вот бы и ударить по нему, однако трудность заключалась в том, что Алисин фламинго забрел на другой конец сада и безуспешно пытался там взлететь на дерево.

Когда Алиса наконец поймала его и принесла обратно, ежи уже перестали драться и разбежались.

«Ну и пусть, — подумала Алиса. — Все равно воротца тоже ушли».

Она сунула фламинго под мышку, чтобы он снова не убежал, и вернулась к Коту; ей хотелось еще с ним поговорить.

Подойдя к тому месту, где в воздухе парила его голова, она с удивлением увидела, что вокруг образовалась большая толпа. Палач, Король и Королева шумно спорили; каждый кричал свое, не слушая другого, а остальные молчали и только робко переминались с ноги на ногу.

Завидев Алису, все трое бросились к ней, чтобы она разрешила их спор⁶⁰. Они громко повторяли свои доводы, но, так как говорили все разом, она никак не могла понять, в чем дело.

Палач говорил, что нельзя отрубить голову, когда, кроме головы, ничего больше нет; он такого в жизни не делал и делать не собирается — стар он для этого, вот что!

Король говорил, что раз есть голова, то, значит, ее можно отрубить — и нечего нести вздор!

А Королева говорила, что, если сию же минуту они не перестанут болтать и не примутся за дело, она велит отрубить головы всем подряд! (Эти-то слова и повергли общество в уныние.)

Алиса не нашла ничего лучшего, как сказать:

— Кот принадлежит Герцогине — следовало бы посоветоваться с ней.

— Она в тюрьме, — сказала Королева и повернулась к палачу: — Веди ее сюда!

Палач со всех ног бросился исполнять приказ.

Как только он убежал, голова Кота начала медленно таять в воздухе, так что к тому времени, когда палач привел Герцогиню, головы уже не было видно. Король и палач заметались по крокетной площадке, а гости вернулись к игре.

Глава IX

Повестъ Черепахи Квази

— Ах, милая, ты и представить себе не можешь, как я рада тебя видеть, — нежно сказала Герцогиня, взяв Алису под руку, и повела ее прочь.

Алиса приятно удивилась, увидев Герцогиню в столь отличном расположении духа, и подумала, что это, видно, от перца она была такой вспылчивой.

«Когда я буду Герцогиней, — сказала она про себя (без особой, правда, надежды), — у меня в кухне совсем не будет перца. Суп и без него вкусный! От перца, верно, и начинают всем перечить...»

Алиса очень обрадовалась, что открыла новый закон.

«От уксуса — кусятся, — продолжала она задумчиво, — от горчицы — огорчаются, от лука — лукавят, от вина — винятся, а от сдобы — добреют. Как жалко, что никто об этом не знает... Все было бы так просто. Ели бы сдобу — и добрели!»⁶¹

Она совсем забыла о Герцогине и вздрогнула, когда та произнесла ей прямо в ухо:

— Ты о чем-то задумалась, милочка, и не говоришь ни слова. А мораль отсюда такова... нет, что-то не соображу! Ничего, потом вспомню...

— А может, здесь и нет никакой морали, — решила заметить Алиса.

— Как это нет! — возразила Герцогиня. — Во всем есть своя мораль, дитя, нужно только уметь ее найти!⁶²

И с этими словами она прижалась к Алисе.

Алисе это совсем не понравилось: во-первых, Герцогиня была такая безобразная, а во-вторых, подбородок ее приходился как раз на уровне Алисиного плеча, и подбородок этот был очень острый. Но делать было нечего — не могла же Алиса попросить Герцогиню отодвинуться!

— Игра, кажется, пошла веселее, — заметила она, чтобы как-то поддержать разговор.

— Я совершенно с тобой согласна, — подхватила Герцогиня. — А мораль отсюда такова: «Любовь, любовь, ты движешь миром...»⁶³

— А мне казалось, кто-то говорил⁶⁴, будто самое главное — не соваться в чужие дела, — шепнула Алиса.

— Так это одно и то же, — промолвила Герцогиня, вонзая подбородок в Алисино плечо. — А мораль отсюда такова: думай о смысле, а слова придут сами!

«Как она любит всюду находить мораль», — подумала Алиса.

— Ты, конечно, удивляешься, — произнесла Герцогиня, — почему я не обниму тебя за талию. Сказать по правде, я не совсем уверена в твоём фламинго. Или все же рискнуть?

— Он может и укусить, — сказала благоразумная Алиса, которой совсем не хотелось, чтоб Герцогиня ее обнимала.

— Совершенно верно, — подтвердила Герцогиня. — Фламинго кусаются не хуже горчицы. А мораль отсюда такова: это птицы одного полета!

— Только горчица совсем не птица, — заметила Алиса.

— Ты, как всегда, совершенно права, — согласилась Герцогиня. — Какая ясность мысли!

— Кажется, горчица — минерал, — продолжала Алиса задумчиво.

— Конечно, минерал, — кивнула Герцогиня. Она готова была соглашаться со всем, что скажет Алиса. — Минерал огромной взрывчатой силы. Из нее делают мины и закладывают при подкопах... А мораль отсюда такова: хорошая мина при плохой игре — самое главное!

— Вспомнила! — воскликнула вдруг Алиса, пропустившая мимо ушей последние слова Герцогини. — Горчица — это овощ. Правда, на овощ она не похожа — и все-таки это овощ!

— Я совершенно с тобой согласна, — сказала Герцогиня. — А мораль отсюда такова: всякому овощу свое время. Или, хочешь, я сформу-

лирую это попроще: никогда не думай, что ты иная, чем могла бы быть иначе, чем будучи иной в тех случаях, когда иначе нельзя не быть.

— Мне кажется, я бы лучше поняла, — учтиво проговорила Алиса, — если б я могла это записать. А так мне трудно в этом разобраться.

— Это все чепуха по сравнению с тем, что я могла бы сказать, если бы захотела, — ответила польщенная Герцогиня.

— Прошу вас, не утруждайте себя, — сказала Алиса.

— Ну что ты, разве это беспокойство, — возразила Герцогиня. — Дарю тебе все, что успела сказать.

«Пустяковый подарок, — подумала про себя Алиса. — Хорошо, что на дни рождения таких не дарят!»

Однако вслух она этого сказать не рискнула.

— Опять о чем-то думаешь? — спросила Герцогиня и снова вонзила свой подбородок в Алисино плечо.

— А почему бы мне и не думать? — отвечала решительно Алиса, которой было как-то не по себе.

— А почему бы свинье не летать? — сказала Герцогиня. — А мораль...

Тут, к великому удивлению Алисы, Герцогиня умолкла и задрожала. Алиса подняла глаза и увидела, что перед ними, скрестив на груди руки и грозно нахмурившись, стоит Королева.

— Прекрасная погода, Ваше Величество, — слабо прошептала Герцогиня.

— Я тебя честно предупреждаю, — закричала Королева и топнула ногой. — Либо мы лишимся твоего общества, либо ты лишишься головы. Решай сейчас же — нет, в два раза быстрее!

Герцогиня решила и тотчас исчезла.

— Вернемся к нашей игре, — сказала Алисе Королева.

Алиса так была напугана, что, не говоря ни слова, побрела за ней следом к площадке. Гости между тем воспользовались отсутствием Королевы и отдыхали в тени; однако, увидев, что Королева возвращается, они поспешили к своим местам. А Королева, подойдя, просто объявила, что минута промедления будет стоит им всем жизни.

Пока шла игра, Королева беспрестанно ссорилась с игроками и кричала:

— Отрубить ему голову! Голову ей с плеч!

Солдаты вставали с земли и брали несчастных под стражу, в результате чего воротцев становилось все меньше и меньше, и не прошло и получаса, как их и вовсе не осталось, а все игроки, за исключением Короля, Королевы и Алисы, с трепетом ждали казни.

Наконец Королева бросила игру и, переводя дыхание, спросила Алису:

— А видела ты Черепаху Квази⁶⁵?

— Нет, — отвечала Алиса. — Я даже не знаю, что это такое.

— Как же, — удивилась Королева. — Это то, из чего делают квази-черепаховый суп.

— Никогда не видала и не слыхала, — сказала Алиса.

— Тогда пошли, — распорядилась Королева. — Он сам тебе все расскажет.

И они пошли. Уходя, Алиса услышала, как Король тихо сказал, обращаясь к гостям:

— Мы всех вас прощаем.

«Вот хорошо!» — обрадовалась Алиса. (Она очень горевала, думая о назначенных казнях.)

Вскоре они увидели Грифона, крепко спящего на солнцепеке⁶⁶. (Если ты не знаешь, как выглядит Грифон, посмотри на картинку.)

— Вставай, бездельник, — сказала Королева, — и отведи эту барышню к Черепахе Квази. Пусть расскажет ей свою историю. А мне надо возвращаться, я там приказала кое-кого казнить, надо присмотреть, чтобы все было как следует.

И она ушла, оставив Алису с Грифоном. Алисе он не внушал особого доверия, но, подумав, что с ним, верно, все же спокойнее, чем с кровожадной Королевой, она осталась.

Грифон сел и протер глаза, потом проводил Королеву взглядом, потом усмехнулся.

— Смех — да и только! — пробормотал он не то про себя, не то обращаясь к Алисе.

— Смех? — переспросила Алиса растерянно.

— Ну да, — ответил Грифон. — Выдумает тоже! Казнить! Она отродясь никого не казнила. Ладно, пошли!

«Все здесь только и говорят, что «пошли»! — подумала Алиса, покорно плетясь за Грифоном. — Никогда в жизни мною так не помыкали!»

Пройдя совсем немного, они увидели вдалеке Черепаху Квази; он лежал на скалистом уступе и вздыхал с такой тоской, словно сердце у него разрывалось. Алиса от души его пожалела.

— Почему он так грустит? — спросила она Грифона.

И он ответил ей почти теми же словами, что и раньше:

— Грустит! Выдумает тоже! Не о чем ему грустить. Ладно, пошли!

И они подошли к Черепахе Квази, который глянул на них большими, полными слез глазами, но ничего не сказал.

— Эта барышня, — начал Грифон, — хочет послушать твою историю. Вынь да положи ей эту историю! Вот оно что!

— Что ж, я расскажу, — проговорил Квази глухим голосом. — Садитесь и не открывайте рта, пока я не кончу.

Грифон и Алиса уселись. Наступило молчание.

«Не знаю, как это он собирается кончить, если никак не может начать», — подумала про себя Алиса.

Но делать было нечего — она терпеливо ждала.

— Однажды, — произнес наконец Черепах Квази с глубоким вздохом, — я был настоящей Черепахой.

И снова воцарилось молчание — только Грифон изредка откашливался, да Квази без конца вздыхал. Алиса совсем уже собралась подняться и сказать: «Благодарю вас, сэр, за увлекательный рассказ», но потом решила подождать: должен же он что-то еще рассказать.

Наконец Черепаха Квази немного успокоился и, всхлипывая, заговорил:

— Когда мы были маленькие, мы ходили в морскую школу. Учителем у нас был старик Черепаха. Мы звали его Спрутиком.

— Зачем же вы звали его Спрутиком, — спросила Алиса, — если на самом деле он был Черепахой?

— Мы его звали Спрутиком, потому что он всегда ходил с прутиком, — ответил сердито Черепаха Квази. — Ты не очень-то догадлива!

— Стыдилась бы о таких простых вещах спрашивать, — подхватил Грифон.

Оба замолчали и уставились на бедную Алису, которая готова была провалиться сквозь землю. Наконец Грифон повернулся к Черепахе Квази и сказал:

— Давай, старина, поторапливайся! Нельзя же весь день здесь сидеть...

И Квази заговорил:

— Да, мы ходили в школу, а школа наша была на дне морском, хоть ты, может, этому и не поверишь...

— Почему же? — возразила Алиса. — Я ни слова не сказала.

— Нет, сказала, — настаивал Квази.

— Не возражай! — прикрикнул Грифон.

Но Алиса и не думала возражать.

— Образование мы получили самое хорошее, — продолжал Черепаха Квази. — И немудрено — ведь мы ходили в школу каждый день...

— Я тоже ходила в школу каждый день, — сказала Алиса. — Ничего особенного в этом нет.

— А дополнительно тебя чему-нибудь учили? — не без тревоги поинтересовался Квази.

— Да, — ответила Алиса. — Музыке и французскому.

— А стирке? — поспешно спросил Квази.

— Нет, конечно, — с негодованием отвечала Алиса.

— Ну, значит, школа у тебя была неважная, — произнес с облегчением Квази. — А у нас в школе к счету всегда приписывали: «Французский, музыка и стирка — дополнительно»⁶⁷.

— Зачем вам стирка? — удивилась Алиса. — Ведь вы жили на дне морском.

— Все равно я не мог заниматься стиркой, — вздохнул Черепаха Квази. — Мне она была не по карману. Я изучал только обязательные предметы.

— Какие же? — спросила Алиса.

— Сначала мы, как полагается, чихали и пищали, — отвечал Черепаха Квази. — А потом принялись за четыре действия арифметики: скольжение, причитание, умиление и изнеможение⁶⁸.

— Я о причитании никогда не слыхала, — рискнула заметить Алиса.

— Никогда не слыхала о причитании! — воскликнул Грифон, воздевая лапы к небу. — Что такое читать, надеюсь, ты знаешь?

— Да, — отвечала Алиса неуверенно, — смотреть, что написано в книжке, и... читать.

— Ну да, — сказал Грифон, — и если ты при этом не знаешь, что такое причитать, значит, ты совсем дурочка.

У Алисы пропала всякая охота выяснять про другие предметы, она повернулась к Черепахе Квази и спросила:

— А что еще вы учили?

— Были у нас еще рифы — Древней Греции и Древнего Рима, грязно-писание и мать-и-мачеха. И еще мимические опыты; мимиком у нас был старый угорь, он приходил раз в неделю. Он же учил нас физиономии...

— Физиономии? — переспросила Алиса.

— Я тебе этого показать не смогу, — отвечал Черепаха Квази. — Стар я уже для этого. А Грифон ею не занимался.

— Времени у меня для нее не было, — подтвердил Грифон. — Зато я получил классическое образование.

— Как это? — спросила Алиса.

— А вот как, — отвечал Грифон. — Мы с моим учителем, стареньким крабом, уходили на улицу и целый день играли в классики. Какой был учитель!

— Настоящий классик! — со вздохом сказал Квази. — Но я к нему не попал... Говорят, он еще учил Драматике и Мексике...

— Это уж точно, — согласился Грифон.

И оба закрыли лица лапами.

— А долго у вас шли занятия? — спросила Алиса, торопясь перевести разговор.

— Это зависело от нас, — отвечал Черепаха Квази. — Как все займем, так и кончим⁶⁹.

— Займете? — удивилась Алиса.

— Занятия почему так называются? — пояснил Грифон. — Потому что на занятиях мы у нашего учителя ум занимаем... А как все займем и ничего ему не оставим, тут же и кончим. В таких случаях говорят: «Ему ума не занимать...» Поняла?

Это было настолько ново для Алисы, что она невольно задумалась.

— А что же тогда с учителем происходит? — спросила она немного спустя.

— Может, хватит про уроки, — вмешался Грифон решительно. — Расскажите-ка ей про наши игры...

Глава X

Морская кадриль⁷⁰

Черепаша Квази глубоко вздохнул и вытер глаза. Он взглянул на Алису — видно, хотел что-то сказать, но его душили рыдания.

— Ну, прямо словно кость у него в горле застряла, — сказал Грифон, подождав немного.

И принялся трясти Квази и бить его по спине. Наконец Черепаша Квази обрел голос и, обливаясь слезами, заговорил:

— Ты, верно, не живала подолгу на дне морском...

— Не живала, — согласилась Алиса.

— И, должно быть, никогда не видала живого омара...

— Зато я его однажды пробовала... — возразила было Алиса, но спохватилась и покачала головой. — Нет, не видала.

— Значит, ты не имеешь понятия, как приятно танцевать морскую кадриль с омарами.

— Нет, не имею, — вздохнула Алиса. — А что это за танец?

— Прежде всего, — сказал Грифон, — все выстраиваются в ряд на морском берегу...

— В два ряда! — закричал Черепаша Квази. — Тюлени, лососи, морские черепахи и все остальные. И как только очистишь берег от медуз...

— А это не так-то просто, — вставил Грифон.

— Делаешь сначала два прохода вперед... — продолжал Черепаша Квази.

— Взяв за ручку омара! — воскликнул Грифон.

— Конечно, — подтвердил Черепаха Квази. — Делаешь два прохода вперед, поворачиваешься к партнеру лицом, подпрыгиваешь на одной ноге, потом на другой...

— Меняешь омаров — и возвращаешься назад тем же порядком, — закончил Грифон.

— А потом, — продолжал Черепаха Квази, — швыряешь...

— Омаров! — крикнул Грифон, подпрыгивая в воздух.

— Подальше в море...

— Плывешь за ними! — ликовал Грифон.

— Кувыркаешься разок в море! — воскликнул Черепаха Квази и прошелся колесом по песку.

— Снова меняешь омаров! — вопил во весь голос Грифон.

— И возвращаешься на берег! Вот и вся первая фигура, — сказал Квази внезапно упавшим голосом.

И два друга, только что прыгавшие, как безумные, по песку, загрузили, тихо сели и с тоской взглянули на Алису.

— Это, должно быть, очень красивый танец, — робко заметила Алиса.

— Хочешь посмотреть? — спросил Черепаха Квази.

— Очень, — сказала Алиса.

— Вставай, — приказал Грифону Квази. — Покажем ей первую фигуру. Ничего, что тут нет омаров... Мы и без них обойдемся. Кто будет петь?

— Пой ты, — сказал Грифон. — Я не помню слов.

И они важно заплясали вокруг Алисы, размахивая в такт головами и не замечая, что то и дело наступают ей на ноги. Черепаха Квази затянул грустную песню:

Говорит треска улитке: «Побыстрей, дружок, иди!

Мне на хвост дельфин наступит — он плетется позади.

Видишь, крабы, черепахи мчатся к морю мимо нас.

Нынче бал у нас на взморье, ты пойдешь ли с нами в пляс?

Хочешь, можешь, можешь, хочешь ты пуститься с нами в пляс?

*Ты не знаешь, как приятно, как занятно быть треской,
Если нас забросят в море и умчит нас вал морской!» –
«Ох! – улитка пропущала. – Далеко забросят нас!
Не хочу я, не могу я, не хочу я с вами в пляс.
Не могу я, не хочу я, не могу пуститься в пляс!» –*

*«Ах, что такое далеко? – ответила треска. –
Где далеко от Англии, там Франция близка.
За много миль от берегов есть берега опять.
Не робей, моя улитка, и пойдем со мной плясать.
Хочешь, можешь, можешь, хочешь ты со мной пойти плясать?
Можешь, хочешь, хочешь, можешь ты пойти со мной плясать?»⁷¹*

— Большое спасибо, — сказала Алиса, радуясь, что танец наконец подошел к концу. — Очень интересно было посмотреть. А песня про треску мне очень понравилась! Такая забавная...

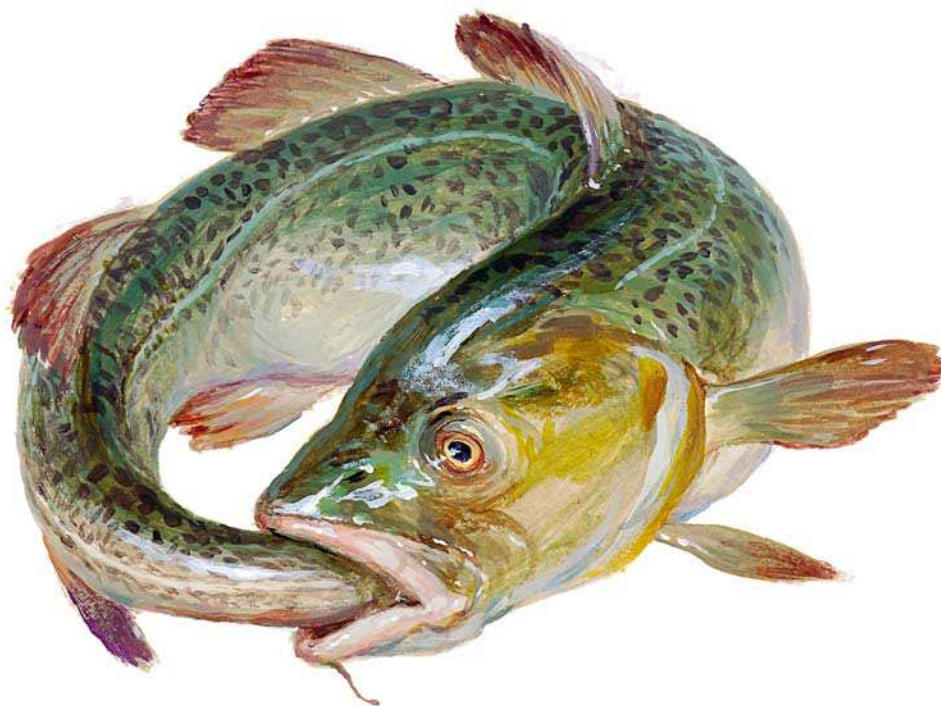
— Кстати, о треске, — заметил Черепаха Квази. — Ты, конечно, ее видала?

— Да, — сказала Алиса. — Она иногда бывала у нас на обе...

Она спохватилась и испуганно замолчала.

— Не знаю, где это на обе, — заметил Черепаха Квази, — но раз вы так часто встречались, ты, конечно, знаешь, как она выглядит...

— Да, кажется, знаю, — отвечала Алиса. — Хвост во рту⁷², и вся в су-харях.

— Насчет сухарей ты ошибаешься, — возразил Черепаха Квази, — сухари все равно смылись бы в море... Ну а хвост у нее, правда, во рту. Дело в том, что...

Тут Черепаха Квази зевнул и закрыл глаза.

— Объясни ей про хвост, — велел он Грифону.

— Дело в том, — сказал Грифон, — что она очень любит танцевать с омарами. Вот ее и швыряют в море. Вот она и летит далеко-далеко. Вот хвост у нее и застревает во рту — да так крепко, что не вытащишь. Все.

— Спасибо, — поблагодарила Алиса. — Это очень интересно. Я ничего этого о треске не знала.

— Если хочешь, — сказал Грифон, — я тебе много чего еще могу про треску рассказать! Знаешь, почему ее называют треской?

— Я никогда об этом не думала, — ответила Алиса. — Почему?

— Тре́ску много, — произнес значительно Грифон.

Алиса растерялась.

— Много тре́ску? — переспросила она с недоумением.

— Ну да, — подтвердил Грифон. — Рыба она так себе, толку от нее мало, а треску много.

Алиса молчала и только смотрела на Грифона широко раскрытыми глазами.

— Очень любит поговорить, — продолжал Грифон. — Как начнет трещать, хоть вон беги! И друзей себе таких же подобрала. Ходит к ней один старичок Судачок. С утра до ночи судачит! А еще Щука забегает — так она всех щучит. Бывает и Сом — этот во всем сомневается... А как соберутся все вместе, такой подымут шум, что голова кругом идет... Белугу знаешь?

Алиса кивнула.

— Так это они ее довели. Никак, бедная, прийти в себя не может. Все ревет и ревет...

— Поэтому и говорят: «Ревет как белуга»? — робко спросила Алиса.

— Ну да, — подтвердил Грифон. — Поэтому.

Тут Черепаха Квази открыл глаза.

— Ну, хватит об этом, — проговорил он. — Расскажи теперь ты про свои приключения.

— Я с удовольствием расскажу все, что случилось со мной сегодня с утра, — неуверенно сказала Алиса. — А про вчера я рассказывать не буду, потому что тогда я была совсем другая.

— Объясни, что ты хочешь этим сказать, — попросил Черепаха Квази.

— Нет, сначала приключения, — нетерпеливо перебил его Грифон. — Объяснять очень долго.

И Алиса начала рассказывать все, что с нею случилось с той минуты, как она увидела Белого Кролика. Сначала ей было немножко не по себе: Грифон и Черепаха Квази придвинулись к ней с двух сторон так близко и так широко раскрыли глаза и рты; но потом она осмелела. Грифон и Черепаха Квази молчали, пока она не дошла до встречи с Синей Гусеницей и попытки прочитать ей «Папу Вильяма». Тут Черепаха Квази глубоко вздохнул и сказал:

— Очень странно!

— Страннее некуда! — подхватил Грифон.

— Все слова не те, — задумчиво произнес Черепаха Квази. — Хорошо бы она нам что-нибудь прочитала. Вели ей начать.

И он посмотрел на Грифона, словно тот имел над Алисой власть.

— Встань и читай «Это голос лентяя», — приказал Алисе Грифон.

«Как все здесь любят распоряжаться, — подумала Алиса. — Только и делают, что заставляют читать. Можно подумать, что я в школе».

Все же она послушно встала и начала читать. Но мысли ее были так заняты омарами и морскою кадрилию, что она и сама не знала, что говорит. Слова получились, действительно, очень странные.

Это голос Омара⁷³. Вы слышите крик?

— Вы меня разварили! Ах, где мой парик!

И, поправивши носом жилетку и бант,

Он идет на носочках, как лондонский франт.

Если отмель пустынна и тихо кругом,

Он кричит, что акулы ему нипочем,

Но лишь только вдали заметит акул,

Он забьется в песок и кричит караул!

— Совсем непохоже на то, что я читал ребенком в школе, — заметил Грифон.

— Я никогда этих стихов не слышал, — сказал Квази. — Но, по правде говоря, это ужасный вздор!

Алиса ничего не сказала; она села на песок и закрыла лицо руками; ей уж и не верилось, что все когда-нибудь пойдет по-прежнему.

— Мне бы хотелось, чтобы ты эти стихи объяснила, — заявил Квази.

— Она ничего объяснить не может, — торопливо сказал Грифон. И, повернувшись к Алисе, прибавил: — Читай дальше.

— А почему он идет на носочках? — упорствовал Квази. — Объясни мне хотя бы это.

— Это такая позиция в танцах, — сказала Алиса.

Но она и сама ничего не понимала; ей не хотелось больше об этом говорить.

— Читай же дальше, — торопил ее Грифон. — «Шел я садом однажды...»

Алиса не посмела послушаться, хотя и была уверена, что все опять получится не так, и дрожащим голосом продолжала:

*Шел я садом однажды и вдруг увидал,
Как делили коврижку Сова и Шакал.
И коврижку Шакал проглотил целиком,
А Сове только блюдечко дал с ободком.
А потом предложил ей: «Закончим дележ —
Ты возьми себе ложку, я — вилку и нож».
И, наевшись, улегся Шакал на траву,
Но сперва на десерт проглотил он...*

— Зачем читать всю эту ерунду, — прервал ее Квази, — если ты не можешь ничего объяснить? Такой тарабарщины я в жизни еще не слышал!

— Да, пожалуй, хватит, — согласился Грифон, к великой радости Алисы.

— Хочешь, мы еще станцуем? — продолжал Грифон. — Или пусть лучше Квази споет тебе песню?

— Ах, песню, пожалуйста, если можно, — отвечала Алиса с таким жаром, что Грифон только пожал плечами.

— О вкусах не спорят, — заметил он обиженно. — Спой ей «Еду вечернюю», старина.

Черепашка Квази глубоко вздохнул и, всхлипывая, запел:

*Еда вечерняя, любимый Суп морской!
Когда сияешь ты, зеленый и густой, —
Кто не вдохнет, кто не поймет тебя тогда,
Еда вечерняя, блаженная Еда!*

*Блаже-э-нная Е-да-а!
Блаже-э-нная Е-да-а!
Еда вече-е-рная,
Блаженная, блаженная Еда!*

*Еда вечерняя! Кто, сердцу вопреки,
Попросит семги и потребует трески?
Мы все забудем для тебя, почти за-
даром данная блаженная Еда!
Задаром данная блаженная Еда!*

*Блаже-э-нная Е-да-а!
Блаже-э-нная Е-да-а!
Еда вече-е-рная,
Блаженная, блажен-НАЯ ЕДА!⁷⁴*

— Повтори припев! — сказал Грифон.

Черепашка Квази открыл было рот, но в эту минуту вдалеке послышалось:

— Суд идет!

— Пошли! — крикнул Грифон, схватив Алису за руку, и потащил за собой, так и не дослушав до конца.

— А кого судят? — спросила, задыхаясь, Алиса.
Но Грифон только повторял:
— Пошли! Пошли!
И прибавлял шаг.
А ветерок с моря доносил грустный напев:

*Еда вече-е-рняя,
Блаженная, блаженная Еда!*

Он звучал все тише и тише и наконец совсем смолк.

Глава XI

Кто украл крендели

Червонные Король и Королева сидели на троне, а вокруг толпились остальные карты и множество всяких птиц и зверюшек; перед тронном стоял между двумя солдатами Валет в цепях, а возле Короля вертелся Белый Кролик — в одной руке он держал трубу, в другой — длинный пергаментный свиток. Посредине стоял стол, а на столе — большое блюдо с кренделями, такими аппетитными, что у Алисы прямо слюнки потекли.

«Скорее бы кончили судить, — подумала она, — и подали угощение».

Особых надежд на это, однако, не было, и она начала смотреть по сторонам, чтобы как-то скоротать время.

Раньше Алиса никогда не бывала в суде, хотя и читала о них в книжках, и ей было очень приятно, что почти все здесь ей известно.

«Вон судья, — сказала она про себя. — Раз в парике, значит, судья»⁷⁵.

Судьей, кстати, был сам Король, а так как корону ему пришлось надеть на парик, он чувствовал себя не слишком уверенно. К тому же это было не очень красиво.

«Это места для присяжных, — размышляла Алиса. — А эти двенадцать существ (ей пришлось употребить это слово, потому что там были и зверюшки, и птицы), видно, и есть присяжные».

Последнее слово она повторила про себя раза два или три — она очень гордилась тем, что знает такое трудное слово; не много найдется девочек ее возраста, думала Алиса (и в этом она была права), которые понимали бы, что оно значит.

Присяжные меж тем что-то быстро строчили на грифельных досках.

— Что это они пишут? — шепотом спросила Алиса у Грифона. — Ведь суд еще не начался...⁷⁶

— Они записывают свои имена, — прошептал Грифон в ответ. — Боятся, как бы их не забыть до конца суда.

— Вот глупые! — с негодованием воскликнула Алиса, но в ту же минуту Белый Кролик закричал:

— Не шуметь в зале суда!

А Король надел очки и с тревогой посмотрел в зал: видно, хотел узнать, кто шумит. Алиса замолчала.

Со своего места она видела — так ясно, словно стояла у них за плечами, — что присяжные тут же стали писать: «Вот глупые!» — и даже заметила, что кто-то из них не знал, как пишется «глупые», и вынужден был справиться у соседа.

«Воображаю, что они там понапишут до конца суда!» — подумала Алиса.

У одного из присяжных грифель все время скрипел. Этого, конечно, Алиса не могла вынести: она подошла и стала у него за спиной; увидев удобный момент, она ловко выхватила грифель. Все это она проделала до того быстро, что бедный присяжный (это был крошка Билль) так и не понял, что произошло; поискав грифель, он решил писать пальцем. Толку от этого было мало, так как палец не оставлял никакого следа на грифельной доске.

— Глашатай, читай обвинение! — велел Король.

Белый Кролик трижды протрубил в трубу, развернул пергаментный свиток и прочитал:

*Дама Червей напекла кренделей⁷⁷
В летний погожий денек.
Валет Червей был всех умней
И семь кренделей уволок.*

- Обдумайте свое решение! — сказал Король присяжным.
- Нет, нет, — торопливо прервал его Кролик. — Еще рано. Надо, чтобы все было как положено.
- Вызвать первого свидетеля, — приказал Король.
- Белый Кролик трижды протрубил в трубу и закричал:
- Первый свидетель!
- Первым свидетелем оказался Болванщик. Он подошел к трону, держа в одной руке чашку с чаем, а в другой бутерброд.
- Прошу прощения, Ваше Величество, — начал он, — что я сюда явился с чашкой. Но я как раз чай пил, когда за мной пришли. Не успел кончить...
- Мог бы и успеть, — заметил Король. — Ты когда начал?
- Болванщик взглянул на Мартовского Зайца, который вошел следом за ним в залу суда рука об руку с Соней, и сказал:
- Четырнадцатого марта, кажись.
- Пятнадцатого, — бросил Мартовский Заяц.
- Шестнадцатого, — пробормотала Соня⁷⁸.

— Запишите, — приказал Король присяжным, и они торопливо записали все три даты на грифельных досках, а потом сложили их и перевели в шиллинги и пенсы.

— Сними свою шляпу, — велел Король Болванщику.

— Она не моя, — ответил Болванщик.

— Украдена! — закричал Король и оборотился к присяжным, которые тут же взялись за грифели.

— Я их держу для продажи, — объяснил Болванщик. — У меня своих нет, ведь я Шляпных Дел Мастер.

Тут Королева надела очки и в упор посмотрела на Болванщика — тот побледнел и переступил с ноги на ногу.

— Давай показания, — сказал Король, — и не нервничай, а не то я велю тебя тут же казнить.

Это не очень-то подбодрило Болванщика: он затоптался на месте, нервно поглядывая на Королеву, и в смятении откусил вместо бутерброда кусок чашки.

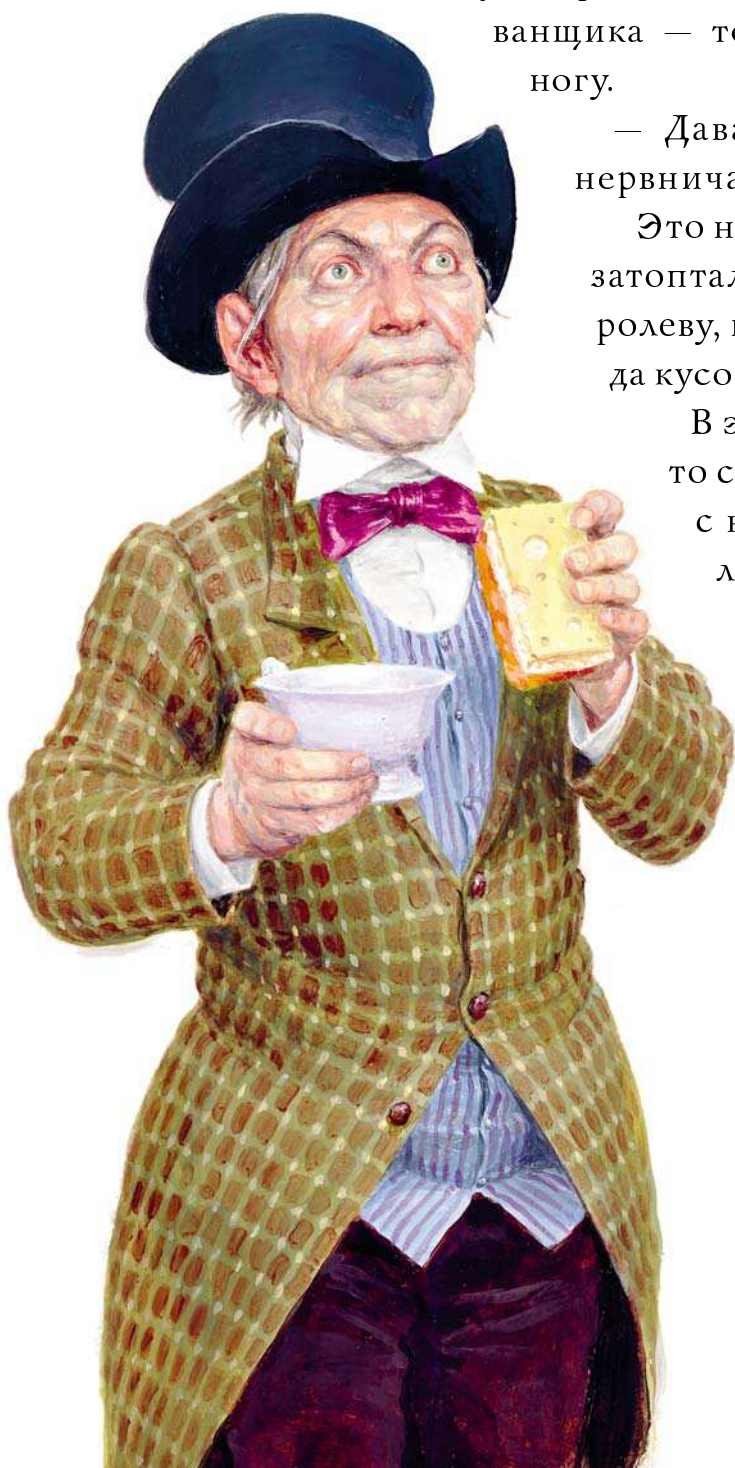
В этот миг Алиса почувствовала себя как-то странно. Она никак не могла понять, что с ней происходит, но наконец ее осенило: она опять росла! Сначала она хотела встать и уйти из зала суда, но, поразмыслив, решила остаться и сидеть до тех пор, пока для нее хватит места.

— А ты могла бы не так напирать? — спросила сидевшая рядом с ней Соня. — Я едва дышу.

— Ничего не могу поделать, — виновато произнесла Алиса. — Я расту.

— Не имеешь права здесь расти, — объявила Соня.

— Ерунда, — отвечала, осмелев, Алиса. — Вы же прекрасно знаете, что и сами растете.

— Да, но я расту с разумной скоростью, — возразила Соня, — не то что некоторые... Это же просто смешно, так расти!

Она надулась и, поднявшись с места, перешла на другую сторону зала.

А Королева меж тем все смотрела в упор на Болванщика, и не успела Соня усесться, как Королева нахмурилась и распорядилась:

— Подать сюда список тех, кто пел на последнем концерте!⁷⁹

Тут бедный Болванщик так задрожал, что с обеих ног у него слетели башмаки.

— Давай свои показания, — повторил Король гневно, — а не то я велю тебя казнить. Мне все равно, нервничаешь ты или нет!

— Я человек маленький, — произнес Болванщик дрожащим голосом, — и не успел я напиться чаю... прошла всего неделя, как я начал... хлеба с маслом у меня уже почти не осталось... а я все думал про филина над нами, он как поднос над небесами...⁸⁰

— Про что? — спросил Король.

— Поднос... над небесами...

— Ну конечно, — сказал Король строго, — поднос — это одно, а над небесами — совсем другое! Ты что, меня за дурака принимаешь? Продолжай!

— Я человек маленький, — продолжал Болванщик, — тут у меня перед глазами замигало... а Мартовский Заяц тут и говорит...

— Ничего я не говорил, — торопливо прервал его Мартовский Заяц.

— Нет, говорил, — возразил Болванщик.

— И не думал, — вскричал Мартовский Заяц. — Я все отрицаю!

— Он все отрицает, — объявил Король. — Не вносите в протокол!

— Ну тогда, значит, Соня и говорит, — продолжал Болванщик, с тревогой взглянув на Соню.

Но Соня ничего не отрицала — она крепко спала.

— Тогда я отрезал себе еще хлеба, — продолжал Болванщик, — и намазал его маслом...

— Но что же сказала Соня? — спросил кто-то из присяжных.

— Не помню, — ответил Болванщик.

— Постарайся вспомнить, — заметил Король, — а не то я велю тебя казнить.

Несчастный Болванщик выронил из рук чашку и бутерброд и опустился на одно колено.

— Я человек маленький, — повторил он. — Я все думал о филине...

— Сам ты филин, — сказал Король.

Тут одна из морских свинок громко зааплодировала и была подавлена⁸¹. (Так как это слово нелегкое, я объясню тебе, что оно значит. Служители взяли большой мешок, сунули туда свинку вниз головой, завязали мешок и сели на него.)

«Я очень рада, что увидела, как это делается, — подумала Алиса. — А то я так часто читала в газетах: «Попытки к сопротивлению были подавлены...» Теперь-то я знаю, что это значит!»

— Ну, хватит, — сказал Король Болванщику. — Закругляйся!

— А я и так весь круглый, — радостно возразил Болванщик. — Шляпы у меня круглые, болванки тоже...

— Круглый ты болван, вот ты кто! — воскликнул Король.

«Ну вот, со свинками покончено, — подумала Алиса. — Теперь дело пойдет веселее».

— Ты свободен, — сказал Король Болванщику.

И Болванщик выбежал из зала суда, даже не позаботившись надеть башмаки.

— И отрубите ему там на улице голову, — прибавила Королева, повернувшись к одному из служителей⁸².

Но Болванщик был уже далеко.

— Вызвать свидетельницу, — распорядился Король.

Свидетельницей оказалась кухарка. В руках она держала перечницу — она еще не вошла в зал суда, а те, кто сидел возле двери, все как один расчихались, и Алиса тотчас догадалась, кто сейчас войдет.

— Давай сюда свои показания, — сказал Король.

— И не подумаю, — отвечала кухарка.

Король озадаченно взглянул на Белого Кролика.

— Придется Вашему Величеству подвергнуть ее перекрестному допросу, — прошептал Кролик.

— Что ж, перекрестному так перекрестному, — вздохнул Король⁸³, скрестил на груди руки и, грозно нахмутив брови, так скосил глаза, что Алиса испугалась. Наконец Король глухо спросил:

— Крендели из чего делают?

— Из перца в основном, — отвечала кухарка.

— Из киселя, — проговорил у нее за спиной сонный голос⁸⁴.

— Хватайте эту Соню! — завопила Королева. — Рубите ей голову! Гоните ее в шею! Подавите ее! Ущипните ее! Отрежьте ей усы!⁸⁵

Все кинулись ловить Соню. Поднялся переполох, а когда наконец все снова уселись на места, кухарка исчезла.

— Вот и хорошо, — сказал Король с облегчением. — Вызвать следующую свидетельницу!

И, повернувшись к Королеве, он вполголоса произнес:

— Теперь, душечка, ты сама подвергай ее перекрестному допросу. А то у меня голова разболелась.

Белый Кролик зашуршал списком.

«Интересно, кого они сейчас вызовут, — подумала Алиса. — Пока что улик у них нет никаких...»

Представьте себе ее удивление, когда Белый Кролик пронзительно крикнул своим тоненьким голоском:

— Алиса!

Глава XII

Алиса дает показания

— **З**десь! — крикнула Алиса, в волнении забыв, как она выросла за последние несколько минут, и так быстро вскочила со своего места, что задела краем юбки скамью, на которой сидели присяжные, — скамья опрокинулась, и присяжные посыпались вниз, на головы сидящей публики. Там они и лежали, напоминая Алисе о рыбках, оказавшихся на полу с неделю назад, когда она случайно опрокинула аквариум.

— Простите, пожалуйста! — огорченно вскричала Алиса и принялась торопливо подбирать присяжных; случай с аквариумом не шел у нее из головы, и ей почему-то казалось, что, если не подобрать присяжных как можно скорее и не посадить их обратно на скамью, они непременно погибнут.

— Суд продолжит работу только после того, как все присяжные вернутся на места, — строго проговорил Король.

— Я повторяю: все! Все до единого! — произнес он с расстановкой, не сводя глаз с Алисы.

Алиса взглянула на присяжных и обнаружила, что второпях она посадила Ящерку Билля вверх ногами; бедняга грустно махал хвостом, но перевернуться никак не мог. Она быстро взяла его и посадила как следует. Про себя же подумала: «Конечно, это совсем неважно. Что вверх головой, что вниз, пользы от него на суде никакой!»

Как только присяжные немного пришли в себя и получили обратно потерянные при падении грифели и доски, они принялись усердно писать историю этого происшествия. Один только Билль сидел неподвижно, широко открыв рот и уставившись в потолок: видно, никак не мог опомниться.

— Что ты знаешь об этом деле? — спросил Алису Король.

— Ничего, — ответила Алиса.

— Совсем ничего? — допытывался Король.

— Совсем ничего, — повторила Алиса.

— Это очень важно, — объявил Король, поворачиваясь к присяжным.

Они кинулись писать, но тут вмешался Белый Кролик.

— Ваше Величество хочет, конечно, сказать: неважно, — произнес он почтительно⁸⁶. Однако при этом он хмурился и подавал Королю знаки.

— Ну да, — заспешил Король, — именно это я и хотел сказать. Неважно! Конечно, неважно!

И забормотал вполголоса, словно пробуя, что лучше звучит:

— Важно — неважно... неважно — важно...

Некоторые присяжные записали: «Важно!», а другие — «Неважно!».

Алиса стояла так близко, что ей все было отлично видно.

«Это не имеет никакого значения», — подумала она.

В эту минуту Король, который что-то быстро писал у себя в записной книжке, крикнул:

— Тихо!

Посмотрел в книжку и прочитал:

— «Правило 42. Всем, в ком больше мили росту, следует немедленно покинуть зал».

И все уставились на Алису.

— Во мне нет мили, — возмутилась она.

— Нет, есть, — возразил Король.

— В тебе мили две, не меньше, — прибавила Королева.

— Никуда я не уйду, — сказала Алиса. — И вообще, это не настоящее правило. Вы его только что выдумали.

— Это самое старое правило в книжке! — вскричал Король.

— Почему же оно тогда 42-е? — спросила Алиса. — Оно должно быть первым!

Король побледнел и торопливо закрыл книжку.

— Обдумайте свое решение, — сказал он присяжным тихим, дрожащим голосом.

Белый Кролик поспешно вскочил со своего места.

— С позволения Вашего Величества, — заявил он, — тут есть еще улики. Только что был найден один документ.

— А что в нем? — спросила Королева.

— Я его еще не читал, — ответил Белый Кролик, — но, кажется, это письмо от обвиняемого... кому-то...

— Конечно, кому-то, — сказал Король. — Вряд ли он писал письмо никому. Такое обычно не делается.

— Кому же оно адресовано? — спросил кто-то из присяжных.

— Тут нет адреса, — ответил Белый Кролик. — Во всяком случае, на обороте ничего не написано.

С этими словами он развернул письмо и прибавил:

— Это даже и не письмо, а стихи.

— Почерк обвиняемого? — спросил другой присяжный.

— Нет, — отвечал Белый Кролик. — И это всего подозрительней.

(Присяжные растерялись.)

— Значит, подделал почерк, — заметил Король.

(Присяжные просветлели.)

— С позволения Вашего Величества, — сказал Валет, — я этого письма не писал, и вы ничего не докажете. Там нет подписи.

— Тем хуже, — возразил Король. — Значит, ты что-то дурное задумал, а не то подписался бы, как все честные люди.

Все зааплодировали: впервые за весь день Король сказал что-то действительно умное.

— Вина доказана, — произнесла Королева. — Рубите ему...

— Ничего подобного! — возмутилась Алиса. — Вы даже не знаете, о чем эти стихи.

— Читай их! — сказал Король Кролику.

Кролик надел очки.

— С чего начинать, Ваше Величество? — спросил он.

— Начни с начала, — важно ответил Король, — и продолжай, пока не дойдешь до конца. Как дойдешь — кончай!

Воцарилось мертвое молчание. Вот что прочитал Белый Кролик:

*Я знаю, с ней ты говорил⁸⁷
И с ним, конечно, тоже.
Она сказала: «Очень мил,
Но плавать он не может».*

*Там побывает та и тот
(Что знают все на свете),
Но если б делу дали ход,
Вы были бы в ответе.*

*Я дал им три, они нам — пять,
Вы шесть им посулили.
Но все вернулись к вам опять,
Хотя моими были.*

*Ты с нею не был вовлечен
В такое злое дело,
Хотя сказал однажды он,
Что все им надоело.*

*Она, конечно, горяча,
Не спорь со мной напрасно.
Да, видишь ли, рубить сплеча
Не так уж безопасно.*

*Но он не должен знать о том
(Не выболтай случайно),
Все остальное ни при чем,
И это наша тайна.*

— Это самая важная улика, — проговорил Король, потирая руки. — Все, что вы сегодня слышали, бледнеет по сравнению с ней. А теперь пусть присяжные обдумают свое...

Но Алиса не дала ему кончить.

— Если кто-нибудь из них сумеет объяснить мне эти стихи, — сказала Алиса, — я дам ему шесть пенсов. (За последние несколько минут она еще выросла, и теперь ей никто уже не был страшен.) — Я уверена, там нет никакого смысла!

Присяжные записали: «Она уверена, что там нет никакого смысла», — но ни один из них не сделал попытки объяснить стихи.

— Если в них нет никакого смысла, — заявил Король, — тем лучше: значит, можно и не пытаться их объяснить. Впрочем...

Тут он положил стихи себе на колени, глянул на них вполглаза и произнес:

— Впрочем, какой-то смысл в них, кажется, все же есть. «...Но плавать он не может...»

И, повернувшись к Валету, Король спросил:

— Ты ведь не можешь плавать?

Валет грустно покачал головой.

— Куда мне! — сказал он. (Это было верно — ведь он был из картона.)

— Так, — сказал Король и снова склонился над стихами. «...Знают все на свете» — это он, конечно, о присяжных. «Я дал им три, они нам — пять...» Так вот что он сделал с кренделями!

— Но там сказано: «все вернулись к вам опять», — заметила Алиса.

— Конечно вернулись! — закричал Король, с торжеством указывая на блюдо с кренделями, стоящее на столе. — Это очевидно! «Она, конечно, горяча...» — пробормотал он и взглянул на Королеву. — Ты разве горяча, душечка?

— Ну что ты, я необычайно сдержанна, — ответила Королева и швырнула чернильницу в Крошку Билля. (Бедняга было бросил писать по доске пальцем, обнаружив, что не оставляет на ней никакого следа, однако теперь поспешно начал писать снова, макая палец в чернила, стекавшие у него с лица.)

— «Рубить сплеча...» — прочитал Король и снова взглянул на Королеву. — Разве ты когда-нибудь рубишь сплеча, душечка?

— Никогда, — сказала Королева.

И, отвернувшись, закричала, указывая пальцем на бедного Билля:

— Рубите ему голову! Голову с плеч!

— А-а, понимаю, — произнес Король. — Ты у нас рубишь с плеч, а не сплеча!

И он с улыбкой огляделся. Все молчали.

— Это каламбур! — сердито закричал Король.

И все засмеялись.

— Пусть присяжные решают, виновен он или нет, — объявил Король в двадцатый раз за этот день.

— Нет! — сказала Королева. — Пусть выносят приговор! А виновен он или нет — потом разберемся!⁸⁸

— Чепуха! — громко возразила Алиса. — Как только такое в голову может прийти!

— Молчать! — крикнула Королева, багровея.

— И не подумаю, — отвечала Алиса.

— Рубите ей голову! — завопила во весь голос Королева.

Никто не двинулся с места.

— Кому вы страшны? — воскликнула Алиса. (Она уже выросла до своего обычного роста.) — Вы ведь всего-навсего колода карт!

Тут все карты поднялись в воздух и полетели Алисе в лицо. Она вскрикнула — полуиспуганно, полугневно, — принялась от них отбиваться... и обнаружила, что лежит на берегу, голова ее покоится у сестры на коленях, а та тихо смахивает у нее с лица сухие листья, упавшие с дерева.

— Алиса, милая, проснись! — сказала сестра⁸⁹. — Как долго ты спала!

— Какой мне странный сон приснился! — сказала Алиса и рассказала сестре все, что запомнила о своих удивительных приключениях, про которые ты только что читал.

А когда она кончила, сестра поцеловала ее и сказала:

— Правда, сон был очень странный! А теперь беги домой, не то опоздаешь к чаю, милая.

Алиса вскочила на ноги и побежала домой, размышляя, как нетрудно понять о своем чудесном сне.

* * *

Сестра же осталась сидеть на берегу. Подпершись рукой, смотрела она на заходящее солнце и думала о маленькой Алисе и ее чудесных Приключениях, пока не погрузилась в какую-то полудрему. И вот что ей привиделось⁹⁰.

Сначала она увидела Алису — снова маленькие руки обвились вокруг ее колен, снова на нее снизу вверх смотрели большие блестящие глаза; она слышала ее голос и видела, как Алиса встряхивает головой, чтобы откинуть со лба волосы, которые вечно лезут ей в глаза. Она прислушалась: все вокруг оживило, и странные существа, которые снились Алисе, казалось, окружили ее⁹¹.

Высокая трава у ее ног зашуршала — это пробежал мимо Белый Кролик; в пруду неподалеку с плеском проплыла испуганная Мышь; чашки брякнули о блюда — это Мартовский Заяц поил своих друзей бесконечным чаем; пронзительно кричала Королева, отправляя своих несчастных гостей на казнь; снова на коленях у Герцогини расчихался младенец, а вокруг так и свистели тарелки и блюда; снова в воздухе слышался хрип Грифона, скрип грифеля по доске, визг подавленной свинки и далекое рыданье несчастного Квази.

Так она и сидела, закрыв глаза, воображая, что и она попала в Страну Чудес, хотя знала, что стоит ей открыть их, как все вокруг снова станет привычным и обыденным; это только ветер шуршит травой, гонит по пруду рябь и шатает камыши; звон посуды превратится в треньканье колокольчика на шее у овец, пронзительный вопль Королевы — в окрик пастуха, плач младенца и хрип Грифона — в шум скотного двора, а стелания Черепахи Квази (она это знала) сольются с отдаленным мычанием коров.

И наконец она представила себе⁹², как ее маленькая сестренка вырастет и, сохранив в свои зрелые годы простое и любящее детское сердце, станет собирать вокруг себя других детишек, и как их глаза заблестят от дивных сказок. Быть может, она поведаст им и о далекой Стране Чудес и, разделив с ними их нехитрые горести и нехитрые радости, вспомнит свое детство и счастливые летние дни.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ АЛИСЫ В СТРАНЕ ЧУДЕС

Комментарии Н. М. Демуровой

1. Июльский полдень золотой...

— В этом стихотворении (пер. Д. Орловской) Кэрролл вспоминает 4 июля 1862 г., когда он и его друг Робинсон Дакворт, преподававший в то время в Тринити-колледж в Оксфорде, отправились с тремя дочерьми ректора Лидделла в лодке на прогулку вверх по Темзе. «Первая» — это старшая из сестер Лиддел, Лорина Шарлотта, которой к тому времени исполнилось тринадцать лет. «Вторая» — любимица Кэрролла, десятилетняя Алиса, а «Третья» — восьмилетняя Эдит. Именно Алиса, попросившая позже Кэрролла записать рассказ, прибавила: «И пусть там будет побольше всяких глупостей!»

2. Как странник бережет цветок далекой стороны...

— В старину пилигримы, отправляясь к святым местам, украшали головы венками из цветов.

3. Алисе наскучило...

— Алиса в сказке, конечно, не просто портрет Алисы Лидделл, какой она виделась писателю. Дж. Ш. Хаббелл в интересной статье «Тройная Алиса» (1940) высказывает предположение, что образ этот помимо реальных черт «удивительного ребенка, без которого Кэрролл никогда не открыл бы Страну Чудес», воплощает «множество лучших черт» самого писателя и того, что «он более всего ценил в жизни». Сам Кэрролл позже так описал свою героиню в статье «Алиса на сцене» (1887): «Какой же была ты, Алиса, в глазах твоего приемного отца? Как ему описать тебя? Любящей, прежде всего; любящей и нежной — любящей, как собака (прости за прозаичное сравнение, но я не знаю иной любви, которая была бы столь же чиста и прекрасна), и нежной, словно лань; а затем учливой — учливой по отношению ко всем, высокого ли, низкого ли рода, величественным или смешным, Королю или Гусенице, словно сама она была королевской дочерью, а платье на ней — чистого золота; и еще доверчивой, готовой принять все самое невероятное с той убежденностью, которая знакома лишь мечтателям; и, наконец, любознательной — любознательной до

крайности, с тем вкусом к Жизни, который доступен только счастливому детству, когда все ново и хорошо, а Грех и Печаль всего лишь слова — пустые слова, которые ничего не значат!»

4. Нора сначала шла прямо, ровная, как туннель, а потом вдруг круто обрывалась вниз...

— Кэрролл начал рассказывать свою сказку во время лодочной прогулки 4 июля 1862 г. Впоследствии он так вспоминал об этом: «...Я ясно помню, как в отчаянной попытке придумать что-то новое я для начала отправил свою героиню вниз по кроличьей норе, не имея ни малейшего понятия о том, что же случится с нею позже». Импровизационный характер первых эпизодов чувствуется и в особой разговорной интонации, и в прямых намеках на слова и события, хорошо известные девочкам Лидделл.

5. Алиса побоялась бросить банку вниз — как бы не убить кого-нибудь! На лету она умудрилась засунуть ее в какой-то шкаф.

— Гарднер по этому поводу замечает: «Кэрролл, конечно, прекрасно понимал, что при нормальном свободном падении Алиса не смогла бы ни уронить банку (она осталась бы перед ней в подвешенном состоянии), ни снова поставить ее на полку (скорость падения была бы слишком большой). Следует отметить, что в своем романе „Сильви и Бруно“ Кэрролл описывает сложности, связанные с чаепитием в падающем доме, а также в доме, который едет вниз с равномерно возрастающим ускорением, в известном смысле предвосхищая знаменитый „мысленный эксперимент“, в котором Эйнштейн использовал воображаемый падающий лифт для того, чтобы объяснить некоторые аспекты теории относительности».

6. Антипатии, кажется...

— По поводу «антипатий» Ю. А. Данилов замечает: «Если когда-нибудь дошлые биографы или почитатели Кэрролла сумеют раздобыть точные географические координаты норки (γ° северной широты, λ° западной долготы), то координаты точки выхода туннеля можно будет вычислить весьма просто: γ° — южной широты. $180^\circ - \lambda^\circ$ — восточной долготы. Для окрестностей Оксфорда, где, судя по дневниковым записям о знаменитой прогулке Кэрролла и Дакворта с сестрами Лидделл, должна находиться норка, $\gamma \approx 52^\circ$ северной широты, $\lambda \approx 1^\circ$ западной долготы. Соответствующий выход туннеля имеет координаты: $\gamma \approx 52^\circ$ южной широты, $\lambda \approx 179^\circ$ восточной долготы. Взглянув на карту, нетрудно убедиться, что при разумных допущениях о расстояниях, которые могли преодолеть путешественники за день, Алиса вынырнула бы в океане в районе Новой Зеландии. К югу от нее находились бы острова Антиподов».

7. Дина будет без меня сегодня весь вечер скучать.

— Диной звали кошку девочек Лидделл.

8. *Едят ли кошки мошек? Едят ли мошки кошек?*

— Здесь Кэрролл впервые применяет один из самых характерных для нонсенса приемов — перевертыш или переверзью (термин К. И. Чуковского). В данном случае он переворачивает отношения субъекта и объекта, подчеркивая их рифмой, которую мы попытались сохранить в переводе.

9. *Ах, как ей захотелось выбраться из темного зала и побродить между яркими цветочными клумбами и прохладными фонтанами!*

— Биографы Кэрролла отмечают, что он, будучи одним из хранителей библиотеки своего колледжа, нередко работал в небольшой комнате, окна которой выходили в сад, где играли в крокет дети доктора Лидделла.

10. *Напиток был очень приятен на вкус — он чем-то напоминал вишневый пирог с кремом, ананас, жареную индейку, сливочную помадку и горячие гренки с маслом...*

— Яркий пример соединения несоединимого, весьма характерный для нонсенса.

11. *Эта глупышка очень любила притворяться двумя разными девочками сразу.*

— В этом пассаже слышатся отзвуки излюбленной темы романтиков, темы двойника. Трудно сказать, в какой степени Кэрролл был знаком с творчеством отечественных или, скажем, немецких романтиков начала века. Однако он, безусловно, знал произведения шотландского поэта и писателя Джорджа Макдоналда (1824—1905), своего современника и друга, со сказочными повестями которого в сказках об Алисе есть немало точек соприкосновения. Сама идея чудесных приключений под землей, в частности, возможно, является отголоском аналогичного эпизода в сказочном романе Макдоналда «Фантазион».

12. *«Госпоже Правой Ноге — с приветом от Алисы».*

— Здесь Кэрролл использует распространенный в английском фольклоре прием отчуждения, когда какие-либо свойства (или части тела) отделяются от их носителя и обретают самостоятельное существование. В известной песенке о малютке Бо-пип такую самостоятельность приобретали овечьи хвосты: их теряли и находили, вешали сушить на дерево и пр. Песня эта не очень старая, однако уже в самом начале XIX в. она была хорошо известна (записи 1805 и 1810 гг., народные пантомимы, театральные представления). Кэрролл, конечно, знал ее.

*Ах, дело не шутка, ведь наша малютка,
Бо-пип, потеряла овечек.
Пускай попасутся — и сами вернутся,
И хвостики с ними, конечно.*

*Бо-нип задремала и тут услышала,
Как рядом топочут копытца.
Проснулась – и что же? – ничуть не похоже.
Никто и не думал явиться.
Взяла посошок и пошла на лужок
И твердо решила найти их.
И впрямь углядела – но странное дело! –
Ведь хвостиков нет позади них.
Давно это было, и долго бродила
Бо-нип, и скажите на милость! –
За рощей кленовой на ветке дубовой
Висели хвосты и сушились.*

(Пер. О. Седаковой)

Метод отчуждения широко использовали романтики, по-своему переосмысляя его. Шамиссо в «Петере Шлемиле», Макдоналд в «Фантазионе» отчуждали тень своих героев.

13. Кролик подпрыгнул, уронил перчатки и веер...

— В статье «Алиса на сцене» Кэрролл писал: «А Белый Кролик? Похож ли он на Алису — или создан скорее для контраста? Конечно, для контраста. Там, где, создавая Алису, я имел в виду «юность», «целенаправленность», здесь появляются «преклонный возраст», «боязливость», «слабоумие» и «нервная суетливость». Представьте себе все это, и вы получите какое-то представление о том, что я имел в виду. Мне кажется, что Белый Кролик должен носить очки, и я уверен, что голос у него должен быть неуверенным, весь облик — бесконечно робким, а колени — дрожать».

14. Нет, так я до двадцати никогда не дойду!

До недавнего времени считалось, что этот эпизод с таблицей умножения может служить примером чистого нонсенса, не имеющего никакой — даже самой отдаленной — реальной основы. Однако в последнее время комментаторы Кэрролла заметили некую закономерность в этой таблице. М. Гарднер пишет по этому поводу: «Почему Алиса никогда не дойдет до 20, проще всего объяснить следующим образом: английская таблица умножения традиционно кончается на 12, так что если продолжать эту абсурдную прогрессию —

$$\begin{aligned}4 \times 5 &= 12 \\4 \times 6 &= 13 \\4 \times 7 &= 14 \text{ и т. д.,}\end{aligned}$$

то придется остановиться на $4 \times 12 = 19$ ».

До 20 не хватит единицы.

А. Л. Тейлор в своей книге «Белый рыцарь» (1952) выдвигает интересную, но более сложную теорию. Для системы счисления, использующей как основание 18 (восемнадцатиричная) 4×5 действительно равняется 12. В системе счисления с основанием 21 справедливо равенство $4 \times 6 = 13$. Если продолжить эту прогрессию, каждый раз увеличивая основание на 3, то произведения будут увеличиваться на единицу, пока мы не дойдем до 20. Здесь впервые наш метод откажет. 4×13 равняется не 20 (для системы счисления с основанием 42), а 1, за которой будет следовать символ, играющий роль 10. Если вспомнить о том, что Кэрролл был профессиональным и отнюдь не банальным математиком, предположение, выдвинутое Тейлором, не покажется вовсе невозможным. В этом эпизоде сквозит явный интерес к десятиричным системам счисления, весьма необычным для тех лет.

15. Как дорожит своим хвостом...

— Стихи в сказке Кэрролла нередко пародируют стихотворения и песни, которые были хорошо известны его современникам. Ныне они прочно забыты даже в Англии; в лучшем случае помнят лишь названия, и то только потому, что Кэрролл выбрал их для своих пародий. Стишок о крокодиле пародирует стихотворение английского богослова и поэта Исаака Уоттса (1674—1748), автора известных церковных гимнов. Ниже приводится текст пародируемого стихотворения «Противу Праздности и Шалостей» (из сборника «Божественные песни для детей», 1715). И оригинал, и пародия в тексте даны в переводе О. Седаковой.

*Как дорожит любим днем
Малюточка пчела! –
Гудит и вьется над цветком,
Прилежна и мила.
Как ловко крошка мастерит
Себе опрятный дом!
Как щедро деток угостит
Припрятанным медком!
И я хочу умелым быть,
Прилежным, как она, –
Не то для праздных рук найдет
Занятье Сатана!
Пусть в ученье и в труде
Я буду с ранних лет –
Тогда и дам я на Суде
За каждый день ответ!*

16. ... в море – кабинки для купания...

— Во времена Кэрролла купающиеся пользовались небольшими кабинами на колесах, запряженными лошадьми, которые ввозили их в море на нужную глубину.

Через специальную дверцу в стенке, обращенной к морю, можно было выйти в воду: огромный зонт, укрепленный сзади, скрывал купающихся от взглядов публики.

17. Там были Робин Гусь, Птица Додо, Попугайчик Лори, Орленок Эд и всякие другие удивительные существа.

— В именах этих персонажей, очевидно, содержится намек на реальных лиц. Робин Гусь — это Робинсон Дакворт; австралийский Попугайчик Лори — Лорина, старшая сестра Алисы; Орленок Эд — младшая сестра Эдит, а птица Додо — сам Кэрролл. Когда Кэрролл заикался, он произносил свое имя так: «До-До-Доджсон». Персонажи этого эпизода — участники другой экскурсии, состоявшейся 17 июня 1862 г., когда Кэрролл взял своих сестер Фэнни и Элизабет, а также тетюшку Люси Латвидж («Не они ли и есть другие удивительные существа?» — спрашивает М. Гарднер) на лодочную прогулку в Нунхэм вместе с Даквортом и тремя девочками Лидделл. По дороге их застиг сильный дождь, так что все вымокли до нитки. В 1886 г., когда Кэрролл издал факсимиле рукописи «Страны Чудес», Дакворт получил от него в подарок экземпляр, на котором было написано: «Робину Гусю от Додо».

18. Вильгельм Завоеватель...

— Герцог Нормандии, в 1066 году завоевавший Англию и основавший норманскую династию английских королей. Упоминаемые здесь граф Эдвин и граф Моркар, а также архиепископ Стиганд — видные деятели Англии той поры. Р. Л. Грин, подготовивший к изданию дневники Кэрролла, обнаружил, что приводимая цитата взята из учебника истории Хэвилленда Чемпелла (1862), по которому сестры Лидделл занимались историей со своей гувернанткой мисс Прикет.

Грин полагает, что Кэрролл придал Мыши черты мисс Прикет.

Кэрролл находился в дальнем родстве с домами Эдвина и Моркара; впрочем, по мнению Грина, он вряд ли знал об этом.

19. Я хотел сказать, — обиженно проговорил Додо, — что нужно устроить бег по кругу.

— Термин «бег по кругу» (saucis game), употребляемый в этом эпизоде Кэрроллом, в Англию пришел из Соединенных Штатов и был переосмыслен англичанами; обычно он употреблялся членами одной партии в уничтожительном смысле, когда речь шла о партии противников. Возможно, Кэрролл употребил этот термин символически, имея в виду, что члены комитетов различных партий обычно заняты бессмысленной беготней, которая ни к чему не ведет.

20. И почему вы ненавидите... К и С.

— Нужно ли говорить о том, что Алиса, не желая снова обидеть Мышь, имеет в виду Кошек и Собак? Все ее поведение во время бега по кругу и распределения наград есть пример терпения и доброго внимания по отношению к «странным существам», в обществе которых она вдруг оказалась.

21. Цап-царап сказал мышке...

— Как отмечает М. Гарднер, это, возможно, самое известное «фигурное» стихотворение, написанное на английском языке (пер. Д. Орловской). Такие стихотворения (их называют также эмблемными) печатаются так, чтобы их контуры как-то связывались с содержанием. Английский поэт Теннисон однажды рассказал Кэрроллу о сочиненной им во сне поэме о феях. Поэма начиналась длинными строками, которые постепенно укорачивались; последние пятьдесят — шестьдесят строк были двусложными. (Теннисону во сне эта поэма очень понравилась, однако, проснувшись, он не мог вспомнить ни слова.) Возможно, что идея рассказа Мыши возникла под влиянием этого разговора.

22. А старая Медуза сказала своей дочери:

— *Ах, дорогая, пусть это послужит тебе уроком! Нужно всегда держать себя в руках!*

— Эти строки выразительно пародируют основной прием морализаторской литературы для детей того времени. Приведем в качестве примера строки из печально прославленной «Истории семейства Фэрчайлд» (том I — 1818, том II — 1842, том III — 1847) Мэри Марты Шервуд (1775—1851), на которой во второй половине XIX века воспитывали детей. Желая преподать детям наглядный урок о необходимости «держаться в руках», мистер Фэрчайлд ведет их к заброшенному саду, посреди которого стоит полуразрушенный дом. «Труба на доме упала, проломив в одном или двух местах крышу; с той стороны, где обвалилась садовая ограда, стекла в окнах были разбиты. Между этим местом и лесом стояла виселица, на которой висел в цепях труп; скелет еще не обнажился, хоть труп и провисел здесь несколько лет.

На повешенном был синий камзол, чулки, туфли; вокруг шеи был повязан шелковый платок; вся одежда была еще цела; но лицо его было так страшно, что дети не могли на него смотреть.

— Батюшка, батюшка, что это? — вскричали они.

— Это виселица, — сказал мистер Фэрчайлд, — а повешенный — убийца, который сперва возненавидел, а потом убил своего брата! Когда люди воруют, их вешают, но потом снимают, убедившись, что они мертвы; если же человек совершил убийство, его вешают в железных цепях и оставляют на виселице до тех пор, пока не обнажится скелет, чтобы все, кто проходит мимо, поостереглись подобного примера.

— Ах, батюшка, уйдемте! — вскричали дети, цепляясь за отцовский камзол.

— Прежде, — сказал мистер Фэрчайлд, — я должен рассказать вам историю этого несчастного». Затем следовал пространный рассказ с вопросами, поучениями и моралью.

23. Попридержите-ка лучше язык, маменька... Не вам об этом говорить. Вы даже устрицу выведете из терпения!

— В этом крошечном эпизоде Кэрролл создает своеобразную ситуацию «наоборот», поменяв местами и функциями родителей и детей, воспитателей и воспи-

туемых. Прием этот позже широко использовался в детской литературе. Достаточно вспомнить заключительную главу («Мисс Апельсин и мисс Лимон») «Романа, написанного на каникулах» Ч. Диккенса (1868); книгу Ф. Энсти (1856—1934) «Vice Versa» (1882) (на русский язык книга Энсти переводилась, см.: Анстей Ф. Шиворот-навыворот. Уроки отцам. Фантастический роман. С англ. перевела З. А. Рогозина. СПб., 1907); эпизоды повести Дж. М. Барри «Питер Пэн и Венди» (1911) (на русском вышла в переводе Н. Демуровой, стихи в переводе Д. Орловской. М., 1965) и прочие.

*24. Птицы заторопились по домам. Старая Сорока начала кутаться в шаль...
А Канарейка стала кликать дрожащим голосом своих детишек...*

— Этот эпизод с птицами перекликается с нравоучительной книгой Сары Триммер (1741—1810) «История малиновок» (1786), широко известной в XIX в. благодаря многочисленным переделкам. Кэрролл пародирует некоторые эпизоды этой книжки.

25. И она принялась выдумывать, как бы это могло быть...

— Критики различных школ и направлений, говоря об этой сказке Кэрролла, равно как и об «Алисе в Зазеркалье», неизменно прибегают к термину «игра».

«Философской игрой» называет «бессмысленные» стихи и неологизмы Кэрролла известный лингвист М. В. Панов в статье «О переводах на русский язык «Джабберворки» Л. Кэрролла» (1975); «игрой в нонсенс» — английский логик Элизабет Сьюэлл в своей монографии «Сфера нонсенса» (1952). Игра действительно составляет важную часть сказки Кэрролла, игра в самом различном понимании слова. Это, во-первых, проигрывание воображаемых ситуаций, которое то и дело увлекает Алису. Она как бы видит себя в «предлагаемых обстоятельствах», представляет, что «было бы, если бы...». К числу подобных проигрываний относятся и мысли о том, что произойдет, если в нору пройдет одна голова, а тело останется позади, если она пролетит всю землю насквозь и окажется у антипатий, если будет без конца уменьшаться (гл. I), пассаж о рождественском подарке собственным ногам, о превращении в Мейбл (гл. II) или настоящее размышление о том, что будет, если кошка Дина станет давать ей поручения. Вместе с тем игра в сказке Кэрролла выступает и в другом своем обличье. Эта «игра в нонсенс», по мысли Э. Сьюэлл, — некий вид интеллектуальной деятельности (или логической системы), требующей по меньшей мере одного игрока, а также некоего количества предметов (или одного предмета), с которым можно было бы играть. Такой серией предметов в игре в нонсенс становятся слова, особенно те из них, которые представляют собой названия предметов и чисел. Игра в нонсенс состоит в отборе и организации материала в собрание неких «дискретных фишек», из которых создается ряд отвлеченных детализированных систем. В этой игре, как указывает Сьюэлл, человеческий разум осуществляет две одинаково присущие ему тенденции — тенденцию к разупорядочению и тенденцию к упорядочению действительности. В противоборстве этих двух взаимоисключающих тенденций, то одна, то другая из которых берет верх, и

закljučается игра в нонсенс. Смех, которым смеется при этом читатель, есть смех радости, которым смеются увлеченные игрой люди при любом на редкость удачном ходе или ударе в игре. Излюбленным приемом игры в нонсенс является игра всякими перевертышами или переверзиями. Выше отмечались переверзии объекта и субъекта (кошки — мошки), авторитета и послушания (юная Медуза и ее маменька; Алиса, следящая за мышкой по поручению кошки Дины). Не менее часты в нонсенсе случаи переверзии большого и малого, на которых строится и эта глава, и многие другие в сказке Кэрролла.

26. Вот вырасту и напишу... Да, но ведь я уже выросла... По крайней мере здесь мне расти больше некуда.

— В данном случае Кэрролл употребляет (так легко и естественно, что поначалу и не заметить) излюбленный нонсенсом прием реализации метафоры (его порой называют двойной актуализацией). «Вот вырасту и напишу», — говорит вначале Алиса, употребляя глагол «вырасту» метафорически. Во второй части фразы этот же глагол «реализуется», т. е. понимается реально или даже буквально, создавая тем самым иронический эффект. Тот же прием находим в сцене суда (гл. XI), когда Король подвергает кухарку «перекрестному» допросу, а также в «подавлении» морских свинок.

27. Яблочки копаю, ваша честь!

Садовник, который зовется у Кэрролла Патриком (Пэт — распространенное сокращение), судя по всему, ирландец. Об этом свидетельствует и его имя (Св. Патрик — покровитель Ирландии; вот почему среди ирландцев это имя так популярно), и его своеобразная манера говорить.

Исследователи отмечают, что эта шутка, возможно, имеет французское происхождение (картофель по-французски, т. е. «земляные яблоки» в буквальном переводе). Впрочем, «яблочки копаю» можно понимать и как часть все той же игры в нонсенс (переверзия верха и низа).

28. Дубина, какая ж это рука?

— Весь диалог далее свидетельствует о незаурядном драматическом даровании Кэрролла. Персонажи этой небольшой сценки говорят сочно, звучно, каждый в своем духе. Диалог до крайности подвижен, действенен, сценичен. Заметим, кстати, что вся сказка Кэрролла, за исключением, пожалуй, самого начала, при внимательном рассмотрении распадается на ряд драматических сцен и диалогов, прозаические связки к которым либо вводят новых действующих лиц, либо дают краткое, в несколько строк, описание места действия.

29. Если я съем пирожок, со мной обязательно что-то случится...

— Здесь, как и в ряде других случаев, Кэрролл использует традиционные приемы фольклорной сказки. Пирожок, равно как и другие съедобные или несъедобные

предметы или напитки, в соответствии с классификацией В. Я. Проппа («Морфология сказки», 1928) относится к разряду тех «волшебных средств или помощников», которые должны помочь герою преодолеть «антагониста» или «вредителя». Отметим, что Кэрролл использует приемы народной волшебной сказки, однако применяет к ним тот же принцип игры в нонсенс, как и во многих других случаях, что ведет не только к ослаблению приема, но зачастую и к полному его переименованию.

30. Гигантский щенок...

— Здесь снова мы имеем дело с переверзией большого и малого. Однако смех, естественно, возникает не тогда, когда мы узнаем о самом факте встречи маленькой Алисы с огромным щенком, а тогда, когда испуганная Алиса пытается восстановить нарушенное равновесие и заискивающе обращается к щенку: «Бедненький, маленький!» Другими словами, эффект нонсенса в данном случае не ограничивается одним лишь фактом переверзии большого и малого (такое не раз случалось и в народных сказках и стало достаточно привычным). Он усиливается (а потому и становится особенно эффектным) попыткой Алисы к обратной переверзии (называние огромного, как ломовая лошадь, щенка «бедненьким» и «маленьким»), столь явно не соответствующей действительности.

31. Значит, по-твоему, ты изменилась?

— Да, сударыня, — отвечала Алиса, — и это очень грустно. Все время меняюсь и ничего не помню.

— По мнению английского философа П. Хита («Алиса для философа», 1974), Гусеница придерживается взгляда Локка на неизменность личности, которая, прежде всего, выражается в устойчивости памяти. Личность осознает себя как таковую, поскольку помнит собственное прошлое и способна оживлять в памяти личный опыт.

32. Папа Вильям, — сказал любопытный малыш...

— «Папа Вильям» (пер. С. Маршака) пародирует давно забытое нравоучительное стихотворение Роберта Саути (1774—1843) «Радости старика и как он их приобрел». Приведем начальные строфы этого стихотворения в переводе Д. Орловской.

*«Папа Вильям, — сказал любознательный сын, —
Голова твоя вся поседела.
Но здоров ты и крепок, дожив до седин,
Как ты думаешь, в чем же тут дело?»*

*«В ранней юности, — старец промолвил в ответ, —
Знал я: наша весна быстротечна.
И берег я здоровье с младенческих лет,
Не растрачивал силы беспечно».*

В наши дни «Папа Вильям» Кэрролла послужил образцом для переведенного О. Седаковой стихотворения «Льюис Кэрролл» известной английской писательницы Элинон Фарджон (1881—1965).

*«Мистер Доджсон, – сказал любопытный малыш, –
Я на лбу твоём вижу морщины.
Но так остро и весело ты говоришь!
В чём же дело? Открой мне причину».*

*«В ранней юности, – Доджсон ему отвечал, –
Математиком был я, признаюсь,
Чтобы разум мой робким, как Кролик, не стал,
Или буйным, как Мартовский Заяц».*

*«Ты мудрец, Льюис Кэрролл, – продолжил малыш, –
В древнем колледже ты обитаешь.
Но, коль разум твой ясен, как ты говоришь, –
Ты, должно быть, истории знаешь?»*

*«В ранней юности, – Кэрролл ответил ему, –
Согласился я с этим, не споря,
Чтоб свободно и весело было уму.
Так послушайте пару историй».*

33. *И куда девались мои плечи? Бедные мои ручки, где вы?*

— Последующий эпизод развивает тот же прием отчуждения различных частей тела, о котором говорилось выше в связи с ногами Алисы. Прием этот осложняется способностью Алисы наподобие змеи изгибать шею «изящным зигзагом» и пр.

34. *Корни деревьев, речные берега, кусты, – продолжала Горлица, не слушая. – Ох, эти змеи! На них не угодишь!*

— Здесь мы также имеем дело с характерной для нонсенса переверзией, однако она подана не столь прямо, как переверзия верха и низа, большого и малого и пр. «На них не угодишь», — говорит о змеях Горлица, имея в виду, конечно, противоположный результат, ведь она хочет не угождать змеям, а избавиться от них.

35. *– Девочки, знаете, тоже едят яйца.*

— *Не может быть, – сказала Горлица. – Но если это так, тогда они тоже змеи!*

— При всей фантастичности этого умозаключения в нем есть и логический элемент. Английский философ Питер Хит замечает по этому поводу: «Довод, до-

стойный этих птиц, известных своей безмозглостью; он часто цитируется в книгах по логике как пример ошибочности аргументации, основанной на нераспределенности среднего. Из того, что и маленькие девочки, и змеи едят яйца, не следует, что два эти класса имеют общие члены. С другой стороны, из того, что „Если нечто — змея, оно ест яйца” и „Маленькие девочки едят яйца”, не следует, что „Маленькие девочки суть змей”».

Здесь хотелось бы добавить: не следует ли и этот отрывок включить в ту игру в нонсенс, в которую с такой неистощимой изобретательностью играет Кэрролл? И не становится ли эта игра еще увлекательнее оттого, что в нее втягивается все больше и больше самых разнообразных элементов (логика, математика и пр.)?

36. «Не знаю, кто там живет, — подумала Алиса, — но в таком виде мне туда нельзя идти — перепугаю их до смерти!»

Она принялась за гриб и не подходила к дому до тех пор, пока не уменьшилась до девяти дюймов.

— Выше уже приводились слова Кэрролла о его героине, внимательной по отношению и к Королям, и к Гусеницам. В последующем эпизоде этот замысел находит свое яркое воплощение. В этой связи нельзя не вспомнить известного английского поэта Уинстона Хью Одена (1907—1973), который в статье «Сегодняшнему «миру чудес» нужна Алиса», написанной к столетию знаменитого пикника, где Кэрролл впервые рассказал свою сказку, спрашивает: «Можно ли считать Алису тем идеалом, к которому должен стремиться любой человек?» И отвечает: «Я склонен ответить на этот вопрос утвердительно. Одиннадцатилетняя девочка (или двенадцатилетний мальчик) из хорошей семьи — то есть из такой семьи, где их окружали любовью, но вместе с тем достаточно приучали к определенной дисциплине, где к интеллектуальной жизни относились достаточно, но не излишне серьезно, — может быть замечательным существом».

37. Это Чеширский Кот — вот почему!

— Во времена Кэрролла, как отмечает М. Гарднер, часто говорили об улыбке чеширского кота. Происхождение этой поговорки неизвестно. Существуют, однако, две теории, пытающиеся ее объяснить. Согласно первой из них, в графстве Чешир (где родился Кэрролл) доморощенные маляры нередко рисовали ухмыляющихся львов над дверьми таверн, а так как львов они ни когда не видели, те весьма походили на котов. Согласно второй, чеширскими сырам придавали одно время форму улыбающихся котов.

38. Лупите своего сынка...

— Это стихотворение (пер Д. Орловской) пародирует строки, приписываемые одними исследователями Дж. У. Лэнгфорду, а другими — Дэвиду Бейсу, версификатору из Филадельфии.

*Любите! Истина вела –
Любовью, а не страхом.
Любите! – Добрые дела
Не обратятся прахом.
Любите малое дитя
С терпеньем и вниманьем, –
Как знать?
Оно у нас в гостях
И близится прощанье...*
(Пер. О. Седаковой)

39. *Вот что, мой милый, – сказала Алиса серьезно, – если ты собираешься превратиться в поросенка, я с тобой больше знатья не стану. Так что смотри!*

— Этот эпизод с постепенным превращением младенца в поросенка приводит В. Трениным (1904—1941) как пример «реализованной» метафоры (см. «Детская литература». 1939. № 4). Тренин пишет: «Некоторые эпизоды «Алисы» строятся на реализации метафоры. Герцогиня, в дом которой забрела Алиса, называет своего ребенка поросенком. Она дает Алисе понянуть его, на руках у Алисы ребенок начинает хрюкать, а затем превращается в настоящего поросенка и быстро убегает от нее». Это простейший случай реализации метафоры, на этом приеме построено многое в обеих сказках. Так, к примеру, герои Безумного чаепития реализуют свои имена. Ниже мы укажем на некоторые другие, более сложные случаи реализации метафоры.

40. *Вон там... живет Болванщик. А там... Мартовский Заяц. Все равно, к кому ты пойдешь. Оба не в своем уме.*

— Кэрролл использует здесь старые английские поговорки: «Безумен как шляпник», «Безумен как мартовский заяц». М. Гарднер отмечает, что обе эти поговорки имеют реальное основание. Профессиональной болезнью шляпников в XIX в. все еще было ртутное отравление — его вызывалартуть, до недавнего времени используемая при обработке фетра, что нередко вело к судорогам и различным психическим расстройствам. Вторая из пословиц имеет в виду, конечно, безумные прыжки зайцев-самцов в марте, в период спаривания. Назвав по-русски шляпника Болванщиком, мы старались передать в переводе особый характер этого персонажа. За неимением в русском фольклоре безумцев, мы попробовали сблизить их героев с традиционными дураками.

41. *Ничего не поделаешь, – заметил Кот. – Все мы здесь не в своем уме – и ты, и я.*

— М. Гарднер цитирует в этой связи запись, сделанную Кэрроллом в дневнике 9 февраля 1856 г.: «Вопрос: когда мы видим сон и пытаемся проснуться, не говорим ли мы и не поступаем ли так, что в реальной жизни нас сочли бы за безумцев?

Нередко мы видим сны и не подозреваем при этом, что все это происходит в реальности. «У сна свой мир», часто он так же похож на жизнь, как реальность». В этой связи М. Гарднер предлагает вспомнить известный диалог Платона «Теэтет»:

«Сократ. Не подразумеваешь ли ты здесь известного спора о сне и яви?

Теэтет. Какого такого спора?

Сократ. Я думаю, что слышал упоминания о нем, когда задавался вопрос, можно ли доказать, что мы вот в это мгновение спим и все, что воображаем, видим во сне, или же мы бодрствуем и разговариваем друг с другом наяву.

Теэтет. В самом деле, Сократ, трудно найти здесь какие-либо доказательства: ведь одно повторяет другое, как антистрофа строфу. Ничто не мешает нам принять наш теперешний разговор за сон, и, даже когда во сне нам кажется, что мы видим сны, получается нелепое сходство этого с происходящим наяву.

Сократ. Ты видишь, что спорить не так уж трудно, тем более что спорно уже то, сон это или явь, а поскольку мы спим и бодрствуем равное время, в нашей душе всегда происходит борьба: мнения каждого из двух состояний одинаково притязают на искренность, так что в течение равного времени мы то называем существующим одно, то другое и упорствуем в обоих случаях одинаково.

Теэтет. Именно так и происходит».

42. Видала я котов без улыбок, но улыбка без кота!

— М. Гарднер пишет: «Выражение «улыбка без кота» представляет собой неплохое описание чистой математики. Хотя математические теоремы часто могут быть успешно приложены к описанию внешнего мира, сами теоремы суть абстракции гения, принадлежащие другому царству, «далекому от человеческих страстей», как заметил однажды Бертран Рассел, «далекому даже от жалких фактов, заимствуемых у Природы... [они принадлежат] упорядоченному космосу, где чистая мысль может существовать естественно, словно в своем родном доме, и где человек, по крайней мере, человек, наделенный благородными порывами, может укрыться от унылого изгнания реальности».

43. Около дома под деревом стоял накрытый стол, а за столом пили чай Болванщик и Мартовский Заяц.

— М. Гарднер полагает, что, работая над Болванщиком, Тенниел воспользовался предложением Кэрролла взять за образец некоего Теофилиуса Картера, чудаковатого торговца мебелью, жившего неподалеку от Оксфорда. «Его прозвали Безумным Шляпником — отчасти из-за того, что он всегда носил цилиндр, отчасти из-за его эксцентричных идей. Изобретенная им «кровать-будильник», которая будила спящего, выбрасывая его в нужную минуту на пол (она выставлялась в Хрустальном дворце на Всемирной выставке в 1851 г.), помогает понять, почему Болванщика у Кэрролла так волнует мысль о времени и о том, чтобы разбудить Мышь Соню. Нельзя не отметить также, что и в этом эпизоде много предметов, напоминающих о профессии Картера (стол, кресло, конторка)...»

Известный американский ученый Норберт Винер писал в главе 14 своей автобиографии: «Бертрана Рассела можно описать одним единственным способом, а именно — сказав, что он вылитый Шляпник. Рисунок Тенниела свидетельствует чуть ли не о провидении». Винер указывает далее, что философы Дж. М. Э. Мак Таггарт и Дж. Э. Мур, коллеги Рассела по Кембриджу, чрезвычайно походили на Мышь Соню и Мартовского Зайца. Всех троих в Кэмбридже называли «Троица Безумного Чаепития».

44. ...между ними крепко спала Мышь Соня.

— Английская мышь-соня — живущий на дереве грызун, больше напоминающий маленькую белку, чем мышь. Зимой эти животные впадают в спячку. В отличие от белки, эти мыши — животные ночные, так что даже в мае (то есть в месяц приключений Алисы) они спят днем. Прототипом Сони, возможно, был ручной зверек-вомбат английского поэта Данте Габриэля Россетти (1828—1882), имевший обыкновение спать у него на столе. Кэрролл знал семейство Россетти и порой навещал их.

45. Чем ворон похож на конторку?

— Знаменитая загадка Болванщика вызвала споры во времена Кэрролла. В предисловии к изданию 1896 г. он писал: «Меня так часто спрашивали о том, можно ли найти ответ на загадку Болванщика, что мне следует, пожалуй, запечатлеть здесь вариант, который мог бы, как мне кажется, быть достаточно приемлемым, а именно: «С помощью того и другого можно давать ответы, хоть и плоские; к ним невозможно подойти не с той стороны». Впрочем, это мне пришло уже в голову позже, загадка поначалу не имела отгадки».

46. Какое сегодня число? Алиса подумала и ответила:

— *Четвертое.*

— Ответ Алисы позволил, как отмечает Гарднер, определить дату приключений Алисы в Стране Чудес. «Если принять во внимание, что в предыдущей главе устанавливается месяц (май), то число тем самым будет 4 мая. Это был день рождения Алисы (она родилась в 1852 г.). Когда Кэрролл впервые рассказал Алисе сказку, ей было десять лет, однако, судя по всему, героине сказки около семи лет. На последней странице рукописи «Приключений Алисы под землей», которую писатель подарил Алисе, он приклеил ее фотографию, снятую им в 1859 г., когда ей было семь лет».

А. Л. Тейлор в своей книге «Белый рыцарь» отмечает, что 4 мая 1862 г. разница между лунным и солнечным месяцами была ровно два дня. Это позволяет, по его мнению, предположить, что часы Болванщика показывают лунное время, и объясняет его слова: «Отстали на два дня». Если Страна Чудес находится где-то недалеко от центра земли, отмечает Тейлор, положение солнца безразлично для определения времени, однако фазы луны останутся неизменными. В пользу этого предполо-

жения говорит также связь между словами «лунный» и «лунатик», «безумец»; однако трудно все же поверить, что Кэрролл имел все это в виду при написании сказки.

47. Какие смешные часы! — заметила она. — Они показывают число, а не час!

— Проблема времени с юных лет волновала Кэрролла. Среди его логических задач находим рассуждение о том, что остановившиеся часы вернее, чем те, которые отстают на минуту в день. Первые показывают точное время дважды в сутки, в то время как вторые — лишь раз в два года. «Возможно,— продолжает Кэрролл, — ты спросишь: «Как же мне все-таки узнать, что сейчас — восемь часов? Ведь по моим часам я этого не узнаю. Терпение! Ты знаешь: когда наступит восемь часов, твои часы будут верны. Прекрасно! Значит, ты должен держаться следующего правила: гляди, не отрываясь, на свои часы; как только они покажут правильное время, настанет восемь» (см. «Трудность вторая» в книге: Л. Кэрролл. История с узелками. Пер. с англ. Ю. Данилова. М., 1973. с. 367).

48. Ты мигаешь, филин мой!

— Песня Болванщика пародирует первую строфу известного стихотворения «Звезда» английской поэтессы Джейн Тейлор (1783—1824). И то и другое стихотворение переведены О. Седаковой.

*Ты мигай, звезда ночная!
Где ты, кто ты — я не знаю.
Высоко ты надо мной,
Как алмаз во тьме ночной.*

*Только солнышко зайдет,
Тьма на землю упадет, —
Ты появишься, сияя.
Так мигай, звезда ночная!*

*Тот, кто ночь в пути проводит,
Знаю, глаз с тебя не сводит:
Он бы сбился и пропал,
Если б свет твой не сиял.*

*В темном небе ты не спишь,
Ты в окно ко мне глядишь,
Бодрых глаз не закрываешь,
Видно, солнце поджидаешь.*

*Эти ясные лучи
Светят путнику в ночи.
Кто ты, где ты — я не знаю,
Но мигай, звезда ночная!*

49. *И на часах все шесть да шесть...*

— *Поэтому здесь и накрыто к чаю?*

— В доме Лидделлов чай подавали в шесть часов, когда дети ужинали.

50. *Жили-были три сестрички, — быстро начала Соня. — Звали их Элси, Лэси и Тилли...*

— Три сестрички — это Алиса и две ее сестры. Элси — так произносятся инициалы Лорины Шарлотты по-английски (L.C., то есть Lorina Charlotte), Тилли — сокращенное от Матильды, шуточное имя, присвоенное в семействе Лидделлов Эдит; а Лэси (Lacie) не что иное, как анаграмма имени Алисы (Alice).

51. *А еще они рисовали... всякую всячину... все, что начинается на М.*

— П. Хит подчеркивает, что, конечно, не сами предметы (или понятия) начинаются на М, а только слова, которые их обозначают. Перечень, следующий далее, — «мышеловка, месяц, мысли, множество» — представляет собою причудливую смесь конкретных предметов и абстракций, а поскольку все члены этого ряда должны быть нарисованы, неизбежно происходит реификация (то есть овеществление) абстракций.

52. *Оглянувшись в последний раз, она увидела, что они засовывают Соню в чайник.*

— Этот «безумный» эпизод имеет, как и некоторые другие, реальную основу. Р. Л. Грин, прокомментировавший классическое Оксфордское издание обеих сказок Кэрролла в серии «Английский роман» (первое издание — 1971 г.; второе — 1976 г.), отмечает, что дети в викторианских семьях нередко держали этих мышей дома наряду с морскими свинками и прочими домашними любимцами. В этих случаях гнездом им зачастую служил старый чайник.

53. *...и снова оказалась в длинном зале возле стеклянного столика.*

— После долгих странствий и трансформаций Алиса попадает наконец в чудесный сад. В традиционной сказке здесь должен был бы наступить конец ее странствиям, однако у Кэрролла еще многое впереди. Вместе с тем дверца в одном из деревьев, ведущая снова в длинный зал, где стоит стеклянный столик, заставляет нас задуматься о топографии Страны Чудес, где отдельные локальные «выгородки» (употребим здесь театральный термин) не складываются в единое, длящееся пространство, но остаются дискретными, определяемыми лишь странствиями героини. Они следуют одна за другой, чередуясь с ничем не заполненными пустотами, вписываются друг в друга (подземный зал — лес — дверца в дереве — снова зал), пульсируют, то расширяясь, то сжимаясь, в зависимости от изменений, происходящих с самой героиней.

54. *Впереди выступали десять солдат с пиками в руках...*

— С началом главы VIII мы попадаем в карточное царство, где правят Червонный Король и Королева. В описании торжественного шествия Кэрролл обыгрывает

названия карточных мастей: солдаты у него шагают с пиками в руках, у придворных одежды расшиты крестами, на одеждах милых крошек вышиты червонным золотом сердечки.

55. Они лежали лицом вниз, а так как рубашки у всех в колоде были одинаковые...

— В этой сцене реализуется карточный термин «рубашки».

56. Королева побагровела от ярости и, сверкнув, словно дикий зверь, на нее глазами, завопила во весь голос...

— В статье «Алиса на сцене», которая цитировалась выше, Кэрролл писал: «Я представлял себе Королеву Червей неким воплощением безудержной страсти — нелепой и бессмысленной ярости».

57. Алиса подумала, что в жизни не видала такой странной площадки для игры в крокет...

— Здесь, возможно, слышатся отзвуки изобретенной Кэрроллом игры, которую он назвал «Крокетный замок». Правила этой игры, весьма сложные, были опубликованы в 1863 г. отдельной брошюрой. Кэрролл часто играл в «Крокетный замок» с сестрами Лидделл.

58. Кот, очевидно, решил, что головы вполне достаточно, и дальше возникать не стал.

— Здесь, как и в некоторых начальных эпизодах, Кэрролл использует прием отчуждения, дробя его на все меньшие единицы, которыми он с наслаждением играет. Отчуждается не только голова кота, но и рот, и уши, и даже улыбка!

59. Коту на короля смотреть не возбраняется...

— Старинная английская пословица, означающая, что есть вещи, которые люди низкого сословия могут делать в присутствии высших.

60. Завидев Алису, все трое бросились к ней, чтобы она разрешила их спор.

— Затем следует псевдологическое разбирательство, где двое из участников — Король и палач — излагают свои доводы. Юмор ситуации усиливается и тем, что палач говорит простонародно, а Королева как всегда выступает, как говорили в XVIII в., «в своем гуморе» (т. е. «юморе», «характере»).

61. От перца, верно, и начинают всем перечить... От уксуса — куксятся, от горчицы — огорчаются, от лука — лукавят, от вина — винятся, а от сдобы — добредуют.

— Этот новый закон, открытый Алисой, построен, как нетрудно догадаться, на все том же приеме реализации метафоры. На этот раз Кэрролл реализует свойства

различных приправ. В переводе для усиления эффекта используется также корневая игра.

62. *Как это нет! – возразила Герцогиня. – Во всем есть своя мораль, дитя, нужно только уметь ее найти!*

— В этом эпизоде и в последующих моральях Герцогини Кэрролл пародирует многочисленные дидактические издания для детей и юношества, популярные в викторианской Англии.

63. *«Любовь, любовь, ты движешь миром...»*

— Последняя строка Дантова «Рая» («безусловно, заимствованная из какого-то второсортного перевода», — замечает П. Хит). В переводе М. Лозинского она звучит так: «Любовь, что движет солнце и светила». (Песнь XXXIII, 145.)

64. *А мне казалось, кто-то говорил, будто самое главное – не соваться в чужие дела, – шепнула Алиса.*

— Алиса вспоминает здесь, конечно, слова самой Герцогини.

65. *Черепаха Квази*

— В нашем переводе — попытка найти русскую параллель английскому персонажу Кэрролла, названному Mock-Turtle. Давая своему герою это имя, Кэрролл исходил из шутливой этимологии: Mock-Turtle — это животное, из которого делают mock-turtle soup (популярный в середине прошлого века суп, имитирующий суп из зеленой морской черепахи и обычно приготовляемый из телятины). Так как все эти реалии слишком далеки от нас и непонятны — без специальных пояснений — даже сегодняшним англичанам, мы сочли возможным назвать этого героя по-русски Черепахой Квази. Он отвечает трем необходимым условиям, характеризующим персонаж Кэрролла: 1) это существо мужского рода; 2) он живет в воде; 3) он столь же знаком нам, как Mock-Turtle викторианцам. Подробнее об этой и других трудностях перевода см. наши статьи в сб.: Мастерство перевода. 1970. М., 1970, а также в итоговом издании Кэрролла (М.: АСТ, 2017).

66. *Грифон*

— Как известно, в средние века грифон символизировал союз Бога и человека во Христе. Однако у Кэрролла, по мнению М. Гарднера, Грифон и его приятель представляют собою «шарж на сентиментальных выпускников Оксфорда, в которых там никогда не было недостатка».

67. *Французский, музыка и стирка дополнительно.*

— Эта фраза во времена Кэрролла нередко стояла на школьных счетах, присылаемых родителям учеников. Она означала, что за уроки французского и музыки, равно как и за стирку белья в школе, взималась дополнительная плата.

68. Сначала мы, как полагается, чихали и пищали... А потом принялись за четыре действия арифметики: скольжение, причитание, умиление и изнеможение.

— Нужно ли говорить о том, что здесь пародируются распространенные школьные шутки? «Чихали и пищали» — это, конечно, читали и писали, а «скольжение, причитание, умиление и изнеможение» — это соответственно сложение, вычитание, деление, умножение. Последующие нонсенсы — грязнописание, мать-и-мачеха и пр. — строятся по тому же фонетическому принципу.

69. А как все займем, так и кончим.

— В этимологии занятий Кэрролл использует все тот же принцип реализации метафоры, однако усложняет его тем, что придает этой метафоре совершенно неожиданное и далекое от традиционного значение.

70. Кадриль

— Бальный танец в пяти фигурах, который был моден в то время, когда Кэрролл писал свою сказку. Дети ректора Лидделла обучались кадрили со специальным учителем.

В письме к одной девочке Кэрролл так описывал собственную манеру танцевать: «Что до танцев, моя дорогая, то я никогда не танцую, если мне не разрешают следовать своей особой манере. Пытаться описать ее бесполезно — это надо видеть собственными глазами. В последний раз я испробовал ее в одном доме — так там провалился пол. Конечно, он был жидковат: балки там были всего шесть дюймов толщиной, их и балками-то не назовешь! Тут нужны бы каменные арки: если уж танцевать, особенно моим специальным способом, меньшим не обойтись. Случалось тебе видеть в Зоологическом саду, как Гиппопотам с Носорогом пытаются танцевать менуэт? Это очень трогательное зрелище».

71. Говорит треска улитке: «Побыстрей, дружок, иди!»...

— В этой песенке (пер. С. Маршака) Кэрролл использует размер и первую строку стихотворения английской писательницы Мэри Хауитт (1799—1888), которая в свою очередь использовала старую песню. Стихотворение Хауитт (пер. О. Седаковой) начиналось так:

Говорила паучиха: заходи, дружок, ко мне!
Ты других таких покоев не увидишь и во сне!
Эта лесенка витая прямо в комнаты ведет.
Знаешь, сколько тут сюрпризов дорогого гостя ждет!
«Ну уж нет, — сказала муха, — и напрасно ты зовешь:
Эта лесенка такая —
если вверх по ней взойдешь,
вниз уже не попадешь».

В первоначальном варианте сказки Кэрролла Черепаха Квази пел иную песню:

*А ну, на дно со мной спеши –
Там так омары хороши,
И спляшут с нами от души,
Треска моя, голубка!*

Припев

*Треска, и прямо, и бочком,
Мигни глазком, махни хвостом
Есть много рыб – но нет милей
Трески, моей голубки.*

Здесь Кэрролл пародирует негритянскую песню (пер. О. Седаковой), припев которой начинается так:

*Эй, Сэлли, прямо и бочком!
Эй, Сэлли, топни каблучком!*

В дневнике Кэрролла есть запись от 3 июля 1862 г. (канун знаменитой лодочной прогулки по Темзе), в которой говорится, что как-то в дождливый день сестры Лидделл «очень выразительно» пропели эту песню.

72. Хвост во рту...

— «Когда я это писал, — признавался Кэрролл, — я думал, что это действительно так; однако позже мне сказали, что рыборотловцы пропускают хвост через глазное отверстие, а вовсе не засовывают его в рот».

73. Это голос Омара...

— Первая фраза в этом стихотворении, отмечает М. Гарднер, вызвала в памяти викторианских читателей библейское выражение «голос горлицы» (Песнь Песней, II, 12; «Цветы показались на земле; время пения настало, и голос горлицы слышен в стране нашей»). На деле, однако, «Голос Омара» (пер. Д. Орловской) пародирует унылое стихотворение Исаака Уоттса «Лентяй» (пер. О. Седаковой), которое, конечно, хорошо знали читатели Кэрролла.

*Это голос лентяя. Вот он застонал:
Ах, зачем меня будят! Я спал бы да спал.
Как скрипучие двери на петлях тугих,
Он кряхтя повернулся в перинах своих.*

*Ах, еще полежать да еще подремать!
Так привык он и дни, и недели терять.
А как встанет – по дому шатается он,
И плюет в потолок, и считает ворон.*

*Шел я садом его и грустя наблюдал:
Лопухом и крапивою сад зарастал,
И одежда на нем превратилась в тряпье,
И до нитки он прожил наследство свое.*

*Я его навестил: я увидеть хотел,
Что он взялся за дело, что он поумнел.
Но рассказывал он, как поел, как поспал,
А молиться не думал и книг не читал.*

*И сказал я душе: о, печальный урок!
Ведь таким же, как этот, я сделаться мог.
Но друзья помогли мне беды избежать –
Приучили трудиться и книги читать.*

В 1886 г. Кэрролл дописал последние четыре строки стихотворения, значительно изменив в то же время вторую строфу. В этом виде она и появляется во всех последующих изданиях «Алисы».

Некий викарий из Эссекса, как ни трудно сейчас в это поверить, прислал письмо в «Сент-Джеймс Газетт», в котором обвинял Кэрролла в богохульстве — из-за библейской аллюзии в первой строке стихотворения.

74. — *Спой ей «Еду вечернюю», старина.*

— Следует ли напоминать о том, что «Еда вечерняя» (пер. О. Седаковой) в настоящем переводе, героем которого выступает Черепаха Квази, заменяет собою песню про Mock-turtle soup оригинала?

75. *Раз в парике, значит, судья.*

— Умозаключение Алисы представляет собой типичный, хоть и не столь явный пример нонсенса, основанного на переверзии причины и следствия. Не оттого, конечно, Король — судья, что в парике, а оттого он в парике, что судья.

76. *Что это они пишут? — шепотом спросила Алиса у Грифона. — Ведь суд еще не начался...*

— Алиса, хоть она и гордится тем, что знает такое трудное слово, как присяжные, в самом судопроизводстве разбирается мало. В обязанности присяж-

ных, как известно, вовсе не входит запись свидетельских показаний. Это дело секретарей; присяжные же должны выслушать свидетельские показания обеих сторон и, удалившись на заседание, на котором никто другой не имеет права присутствовать, принять решение о виновности или невиновности подсудимого. Судья затем выносит приговор на основе заключения присяжных. Вся эта процедура настолько хорошо известна в Англии и других англоязычных странах, что нарушение ее в сказке Кэрролла производит дополнительный эффект нонсенса.

77. Дама Червей напекла кренделей...

— Этот стишок (пер. О. Седаковой) заимствован из фольклора. Он, очевидно, очень старый. Уже в 1782 г. его использовали в политической сатире; а английский романтик Чарльз Лэм (1775—1834) назвал одну из своих детских книжек «Король и дама червей» (1805). Кэрролл вставил этот стишок в свою сказку без изменений, построив две последние главы на оригинальной сюжетной разработке хорошо знакомой его читателям темы. Стишок имел и вторую строфу, которая в тексте Кэрролла не приводится.

*Король Червей, пожелав кренделей,
Валета бил и трепал.
Валет Червей отдал семь кренделей
И с тех пор больше не крал.*

78. — Четырнадцатого марта, кажись.

— Пятнадцатого, — бросил Мартовский Заяц.

— Шестнадцатого, — пробормотала Соня.

— Вспомним, что часы у Болванщика отстают на два дня (см. главу VII).

79. Подать сюда список тех, кто пел на последнем концерте!

— Имеется в виду эпизод из главы VII, где Болванщик рассказывает о том, как он пел, чтобы как-то убить Время.

80. ... а я все думал про филина над нами, он как поднос под небесами...

— Бедняга Болванщик вспоминает песенку, которую он должен был петь на концерте у Королевы («Ты мигаешь, филин мой!» и т. д. — см. главу VII «Безумное чаепитие»).

81. Тут одна из морских свинок громко зааплодировала и была подавлена.

— В последующем объяснении слова «подавлена» Кэрролл снова реализует привычное метафорическое значение этого слова, придав ему неожиданно реальный (и даже буквальный) смысл.

82. *Ты свободен – сказал Король Болванщику... – И отрубите ему там на улице голову, – прибавила Королева...*

— Великолепный пример нонсенса, распространяющего свою игру на традиционные стилистические приемы. За кульминацией («Ты свободен!») должна бы следовать медленная и плавная разрядка, снимающая напряжение. Однако приказ Королевы представляет собой все тот же прием переверзии, меняющий ожидаемое на его прямую противоположность, чем создается сильный комический эффект.

83. *Что ж, перекрестному так перекрестному, – вздохнул Король...*

— В следующем затем эпизоде Король реализует эпитет «перекрестный», скрестив на груди руки и скосив глаза.

84. *Крендели из чего делают?*

— *Из перца в основном, – отвечала кухарка.*

— *Из киселя, – проговорил у нее за спиной сонный голос.*

— Не сразу, пожалуй, заметишь, что в основе этого выразительного диалога также лежит прием реализации метафоры, связанный на этот раз с характерами самих персонажей. Кухарка, которая всем перечит, естественно, говорит о перце, тогда как Соня вспоминает, вероятно, кисельных барышень (см. гл. VII «Безумное чаепитие»).

85. *Рубите ей голову! Гоните ее в шею! Подавите ее! Ущипните ее! Отрежьте ей усы!*

— Здесь снова игра на переверзии стилистического приема. В нарастании (или градации) порядок предлагаемых кар должен бы быть обратным (от «Отрежьте ей усы!» к «Рубите ей голову!»). Впрочем, «Гоните ее в шею!» и «Подавите ее!» взаимно исключают друг друга.

86. *Это очень важно, – объявил Король, поворачиваясь к присяжным... – Ваше Величество хочет, конечно, сказать: неважно, – произнес он почтительно.*

— В последующем эпизоде эта антитеза (важно – неважно) подвергается переверзии (неважно – важно) и тем самым снимается.

87. *Я знаю, с ней ты говорил...*

— Это стихотворение-нонсенс Кэрролла (пер. Д. Орловской) пользуется на родине автора огромной известностью. Первый его вариант был озаглавлен «В ней все, что в нем меня влечет...» (впервые опубликовано в лондонском «Комик Таймс» в 1855 г.). Приведем первоначальный вариант Кэрролла (пер. О. Седаковой) с его вступительной заметкой: «Этот впечатляющий фрагмент был найден в рукописи среди бумаг известного автора трагедии «Был то я иль ты?» и двух популярных романов «Сестра и сын» и «Наследство племянницы, или Благодарный дед»».

В ней все, что в нем меня влечет
 (Ручаюсь, я не льстец),
 И если что-то пропадет —
 Тебе и ей конец.
 Он говорит: ты был у ней,
 А я ушел давно. —
 Все так. Но если быть точней,
 Она и ты одно.
 Никто нас не окликнул, нет,
 Никто не подозвал,
 Он сел, грустя в кабриолет,
 И в нем заковылял...
 (Пер. О. Седаковой)

Стихотворный размер и первая строка этого варианта повторяют начальную строку «Алисы Грей», чувствительной песни Уильяма Ми, которая была популярна в то время. М. Гарднер замечает: «Не оттого ли Кэрролл ввел это стихотворение в свою сказку, что песня, по образцу которой она написана, посвящена неразделенной любви к девушке по имени Алиса?»

*В ней все, что к ней меня влечет, —
Божественна она.
Но ей не быть моей — душа
Другому отдана.
И все ж люблю я, и любовь
Чем старе, тем сильней.
О, как разбила сердце мне
Любовь к Алисе Грей!
(Пер. О. Седаковой)*

88. Нет! – сказала Королева. – Пусть выносят приговор! А виновен он или нет – потом разберемся!

— Типичная для нонсенса переверзья причины и следствия: присяжные, конечно, должны сначала решить, виновен подсудимый или нет. К тому же приговор выносят не они, а судья.

89. *Алиса, милая, проснись! – сказала сестра.*

— С пробуждением Алисы кончается и сказка, и то идущее с переменным успехом противоборство между упорядоченностью и разупорядоченностью, которое, по словам Э. Сьюэлл, и составляет суть игры в нонсенс. По поводу концовки сказки можно вспомнить и следующие ее слова: «В сфере нонсенса не может быть решающего сражения, ибо, пока сознание остается в пределах языка, которым ограничен

нонсенс, оно не может ни подавить собственного стремления к неупорядоченности, ни преодолеть его окончательно, ибо эта сила для сознания не менее существенна, чем противостоящее ей стремление к упорядоченности. Нонсенс может лишь вовлечь силу, создающую беспорядок, в непрерывную игру. Это справедливо и по отношению к самому противоборству: оно не имеет конца. Обе сказки об Алисе кончаются произвольно: неясно, почему конец должен наступить именно в данный, а не в какой-либо другой момент».

90. И вот что ей привиделось.

— Далее следует «сон во сне», когда сестра Алисы видит в своем сне то, что приснилось самой Алисе. Примечательно, что события сна сестры (а вместе с тем, в какой-то мере, и сна самой Алисы) соотнесены в последующем абзаце с событиями реального, обыденного мира: звон посуды — с треньканьем колокольчика на шее у овцы; крик Королевы — с окриком пастуха; стенанья Черепахи Квази — с мычаньем коров и пр. Этот эпизод послужил Дж. Хинцу основанием для сравнения «Алисы в Стране чудес» с «Дон Кихотом» (статья «Алиса встречает Дон Кихота», 1953). Вряд ли можно согласиться с концепцией Хинца, выводящего «Алису» из романа Сервантеса; хотя некоторые из его замечаний и не лишены интереса.

91. ...все вокруг ожило, и странные существа, которые снились Алисе, казалось, окружили ее.

— Эта тема «сна во сне» (сестра Алисы видит во сне Алисин сон) в усложненном виде появится и во второй сказке («Алиса в Зазеркалье», гл. IV).

92. И наконец она представила себе...

— Сон сестры обращен и в будущее. Она видит Алису, сохранившую в зрелые годы «простое и любящее детское сердце», собирающей вокруг себя детей и рассказывающей им сказку о Стране Чудес. Не звучит ли в заключительных фразах сна глубоко личная нота и не сам ли Кэрролл вспоминает в них «нехитрые горести и радости детства» и «счастливые летние дни»?

Оглавление

<i>«Июльский полдень золотой...»</i>	4
<i>Глава I</i>	
ВНИЗ ПО КРОЛИЧЬЕЙ НОРЕ	7
<i>Глава II</i>	
МОРЕ СЛЕЗ	18
<i>Глава III</i>	
БЕГ ПО КРУГУ И ДЛИННЫЙ РАССКАЗ	26
<i>Глава IV</i>	
БИЛЛЬ ВЫЛЕТАЕТ В ТРУБУ	36
<i>Глава V</i>	
СИНЯЯ ГУСЕНИЦА ДАЕТ СОВЕТ	50
<i>Глава VI</i>	
ПОРОСЕНОК И ПЕРЕЦ	59

<i>Глава VII</i>	
БЕЗУМНОЕ ЧАЕПИТИЕ	73
<i>Глава VIII</i>	
КОРОЛЕВСКИЙ КРОКЕТ	83
<i>Глава IX</i>	
ПОВЕСТЬ ЧЕРЕПАХИ КВАЗИ	95
<i>Глава X</i>	
МОРСКАЯ КАДРИЛЬ.....	105
<i>Глава XI</i>	
КТО УКРАЛ КРЕНДЕЛИ?	114
<i>Глава XII</i>	
АЛИСА ДАЕТ ПОКАЗАНИЯ.....	122
ПРИКЛЮЧЕНИЯ АЛИСЫ В СТРАНЕ ЧУДЕС	
<i>Комментарии Н. М. Демуровой</i>	132

УДК 821.111-34
ББК 84(4Вел)-44
К98

Серия «Лучшие сказки мира»
Литературно-художественное издание
әдеби-көркемдік баспа
Для среднего школьного возраста

Льюис Кэрролл

ПРИКЛЮЧЕНИЯ АЛИСЫ В СТРАНЕ ЧУДЕС

Сказка

Перевод Н. М. Демуровой. Комментарии Н. М. Демуровой
Стихотворения в переводах С. Маршака, Д. Орловской, О. Седаковой

Художник Денис Гордеев

Дизайн обложки Н. Сушковой

Редактор Ю. Копылова. Художественный редактор Н. Федорова
Технический редактор Е. Кудиярова. Компьютерная верстка А. Фёдоров
Цветовая обработка Р. Шишкина

Общероссийский классификатор продукции ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные. ТР ТС 007/2011

Произведено в Российской Федерации. Дата изготовления: июль 2022 г.
Подписано в печать 30.05.2022. Формат 60х84/8. Печать офсетная. Бумага офсетная
Гарнитура Bannikova. Усл. печ. л. 18,6. Тираж экз. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательство АСТ» 129085, Российская Федерация, г. Москва,
Звёздный бульвар, дом 21, строение 1, комната 705, пом. I, 7 этаж.
Наш электронный адрес: ask@ast.ru Home page: www.ast.ru

Адрес места осуществления деятельности по изготовлению издательской продукции:
123112, Российская Федерация, Москва, Пресненская наб., д.6, стр.2, деловой комплекс «Империя», 14, 15 этаж

«АСТ баспасы» ЖШҚ 129085, Мәскеу қ., Жұлдызды гүлзао, 21-үй, 1-құрылыс, 705-бөлме, I жай, 7-қабат
Біздің электрондық мекенжайымыз : www.ast.ru E-mail: ask@ast.ru
Интернет-магазин: www.book24.kz Интернет-дүкен: www.book24.kz

Импортер в Республику Казахстан и Представитель по приему претензий в Республике Казахстан — ТОО РДЦ Алматы, г. Алматы.
Қазақстан Республикасына импорттаушы және Қазақстан Республикасында наразылықтарды қабылдау бойынша өкіл —

«РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», Б литері, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 90,91 ,факс: 8 (727) 251 59 92 ішкі 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz , www.book24.kz
Тауар белгісі: «АСТ» Өндірілген жылы: 2022

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген. Сертификаттау — қарастырылған

Кэрролл, Льюис.

К98 Приключения Алисы в Стране Чудес: [сказка] /Льюис Кэрролл; перевод Н. М. Демуровой, С. Я. Маршака, Д. Г. Орловской, О. А. Седаковой; худож. Д. Д. Гордеев. — Москва: Издательство АСТ, 2022. — 158, [2] с.: ил. — (Лучшие сказки мира).

ISBN 978-5-17-133577-9.

«Приключения Алисы в Стране Чудес» — это сказка, которую написал Чарльз Лютвидж Доджсон, известный всем как Льюис Кэрролл (псевдоним). История про девочку Алису, которая следует за белым кроликом и попадает в мир, населенный не очень дружелюбными загадочными существами, и по сей день вызывает неподдельный интерес у читателей и исследователей творчества Кэрролла.

Наша книга выходит с полным переводом и комментариями Н. М. Демуровой — именно ее перевод сказки «Приключения Алисы в Стране Чудес» считается каноническим.

Рисунки художника Дениса Гордеева.
Для среднего школьного возраста.

УДК 821.111-34
ББК 84(4Вел)-44

ЕАСТ

Мы в социальных сетях. Присоединяйтесь!
<https://vk.com/ast.deti> <https://t.me/astdeti>
<https://ok.ru/ast.deti> <https://zen.yandex.ru/astdeti>

© Демурова Н. М., перевод, 2022
© Маршак С. Я., перевод, насл., 2022
© Седакова О. А., перевод, 2022
© Гордеев Д. Д., ил., 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

